

ФРЕДРИК БАКМАН

АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРА «ВТОРАЯ ЖИЗНЬ УВЕ»

БАБУШКА ВЕЛЕЛА КЛАНЯТЬСЯ И ПЕРЕДАТЬ, ЧТО ПРОСИТ ПРОЩЕНИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
СИНДБАД

Фредрик Бакман

**Бабушка велела кланяться и
передать, что просит прощения**

Издательство «Синдбад»

2013

УДК 821.113.6
ББК 84(4Шве)-44

Бакман Ф.

Бабушка велела кланяться и передать, что просит прощения /
Ф. Бакман — Издательство «Синдбад», 2013

ISBN 978-5-90-683781-3

Девочке Эльсе почти восемь, а ее бабушке скоро семьдесят восемь. Одни называют бабушку эксцентричной, другие – «бодрой старушкой», третьи считают, что она просто съехала с катушек. Но для Эльсы бабушка – супергерой и самая лучшая подруга. Потому что всегда защищает внучку, независимо от обстоятельств. И потому что понимает ее как никто другой. Когда бабушка умирает, после нее остаются письма, которые Эльса должна доставить адресатам. Выполняя бабушкино поручение, она узнает много нового о необыкновенной жизни своего супергероя, сразится с реальным, а не сказочным злом, и обретет настоящих друзей.

УДК 821.113.6
ББК 84(4Шве)-44

ISBN 978-5-90-683781-3

© Бакман Ф., 2013
© Издательство «Синдбад», 2013

Содержание

1. Табак	6
2. Обезьяна	12
3. Кофе	19
4. Пиво	26
5. Лилии	31
6. Моющее средство	37
7. Кожа	44
8. Резина	51
9. Мыло	55
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Фредрик Бакман
Бабушка велела кланяться и
передать, что просит прощения

© Издательство «Синдбад», 2018

* * *

Обезьяне и лягушке. На вечность десяти тысяч сказок.

1. Табак

Каждый семилетний ребенок заслуживает иметь своего супергероя. Это факт. А кто не согласен, тому надо проверить голову.

Так считает бабушка Эльсы.

Эльсе семь, скоро восемь. Хотя семилетка из нее та еще – Эльса и сама это знает. Директор говорит, ей нужно «адаптироваться» и «выстраивать отношения со сверстниками». А мамыны подруги называют ее «слишком развитой для своего возраста». Что на самом деле значит «наглая соплячка». Так они говорят, стоит ей поправить их, где ставить ударение в слове «жалюзи» или объяснить, когда говорят «одевать», а когда «надевать». Что для них, как правило, слишком сложно. Тогда эти светлые головы улыбаются натянутыми улыбками и говорят ее родителям: «Умна не по годам». Как будто это дефект, как будто их оскорбляет сам факт, что она не такая придурочная, как полагается в семь лет. Потому-то у Эльсы и нет друзей, кроме бабушки. У одноклассников все как положено по развитию: здравствуй, дерево. Но Эльса неправильная.

Да плюнь, говорит бабушка. Супергерои не такие, как все. Если бы суперспособности были нормой, обычных людей бы уже не осталось.

Бабушке семьдесят семь, скоро семьдесят восемь. И она тоже не соответствует своему возрасту. Бабушка уже старая, лицо у нее как мягкая газета из мокрых ботинок, но никто не считает, что она для своего возраста слишком развита. «Бодрая старушка», так о ней отзываются те, кого она доводит до ручки. В ответ мама обещает возместить им нанесенный ущерб. А бабушка говорит, пусть эти идиоты пеняют на себя и где вообще людская солидарность, нечего было на ручник жать, видели ведь, человек параллельно паркуется на своем «рено». Бабушку бесит, что в больнице теперь и покурить спокойно нельзя, сразу срабатывает пожарная сигнализация. «Ваша политкорректность уже в печенках сидит!» – кричит она охранникам, когда те требуют затушить сигарету. Или взять хотя бы тот случай, когда бабушка слепила снеговика, одела его в настоящую одежду и подложила во двор, прямо под окна Бритт-Мари и Кента – как будто кто-то упал с крыши. А в другой раз было дело, по району ходили аккуратненькие такие люди в очках и звонили во все двери. Они хотели возвестить о Господе нашем Иисусе, а бабушка вышла на балкон в распахнутом халате и стала палить по ним из ружья для пейнтбола. Бритт-Мари тогда долго не могла решить, что ее больше взбесило – ружье или отсутствие какого бы то ни было белья под халатом, поэтому в заявлении в полицию указала для верности оба обстоятельства.

Вот в таких случаях бабушку и называют «бодрой старушкой». Что в некотором смысле правда.

Люди считают, что бабушка совсем свихнулась. На самом деле бабушка – гений. Просто она немного с приветом. Вообще она раньше была врачом и получила много наград. Журналисты писали о ней статьи, бабушка ездила в горячие точки по всему миру, когда все остальные оттуда сбегали. А она спасала людям жизнь и боролась со злом на земле. Как настоящая супергерой. Но под конец кто-то сказал ей, что она уже слишком старая, чтобы спасать чужие жизни. Хотя, подозревает Эльса, этот кто-то имел в виду, что бабушка «слишком ку-ку». Так что теперь она больше не может быть врачом. Этого кого-то бабушка называет «обществом». Ох уж эта чертова политкорректность, из-за нее бабушке теперь не дают резать людей. А все потому, что эти идиоты запретили курить в операционной – ну кто, скажите, может работать в таких условиях?!

Поэтому теперь бабушка сидит дома и выносит мозг Бритт-Мари и маме. Бритт-Мари – это бабушкина соседка. А мама – это Эльсина мама. Вообще-то Бритт-Мари – это и мамина соседка тоже, потому что мама живет по соседству с бабушкой. Эльса тоже бабушкина соседка, ведь она живет вместе с мамой. Кроме, разумеется, каждых вторых выходных, когда она живет с папой и Лизеттой. И Джордж бабушкин сосед, ведь он мамин парень. В общем, все довольно просто.

Но вернемся к сути дела: у бабушки есть две суперспособности – спасать чужие жизни и выносить мозг. Можно сказать, что бабушка – это супергерой с дисфункцией. Что такое дисфункция, Эльса посмотрела в «Википедии». Бабушкины ровесники говорят, что «Википедия» – «это такая энциклопедия, но в интернете». А Эльса говорит про энциклопедию, что «это такая “Википедия”, но бумажная». Так вот, Эльса посмотрела про «дисфункцию» и там и там. Это когда все работает, но не совсем так, как положено. И за это Эльса любит бабушку больше всего.

Но только не сегодня. Сейчас два часа ночи и Эльса очень устала, ей хочется одного: лечь спать. Но не тут-то было, ведь бабушка снова кидалась дерьмом в полицейского.

Все сложно. Почти как статус в Фейсбуке.

Эльса обвела взглядом маленькую прямоугольную комнату и зевнула так отчаянно, будто пыталась проглотить собственную голову, сомкнув челюсти на затылке.

– Говорила я тебе, не лезь через забор, – пробормотала она себе под нос и посмотрела на часы.

Бабушка не ответила. Эльса сняла шарф Гриффиндора и положила его на колени. Она родилась семь лет назад, на второй день после Рождества. Впрочем, скоро уже восемь. В тот день немецкие ученые зарегистрировали самое сильное электромагнитное излучение на земле. В электромагнитах Эльса, конечно, до конца не разобралась. Как она поняла, это что-то типа нейтронных звезд. А еще похоже на злобного Мегатрона из «Трансформеров». Некоторые непросвещенные люди, не читающие серьезную литературу, наивно полагают, что это детский сериал. На самом деле трансформеры – это роботы. Хотя с научной точки зрения они настоящие супергерои. Эльса обожает трансформеров и нейтронные звезды, а «вспышка электромагнитного излучения» ассоциируется у нее с другой вспышкой, когда бабушка пролила фанту на ее айфон, а потом решила подсушить его в тостере. Бабушка считает, Эльса особенная потому, что родилась в такой день.

Быть особенной – лучший способ быть не такой, как все.

Бабушка разделила табак на небольшие кучки и завернула их в прямоугольнички из хрустящей папиросной бумаги. Эльса тяжело вздохнула.

– Ты что, не слышишь? Я же тебе говорила: не-лезь-через-забор! – произнесла она с ударением на каждом слове.

Вообще-то Эльса не хотела расстраивать бабушку. Просто она страшно разозлилась. Так сильно разозлиться могут только очень уставшие семилетки в полицейском участке и мужчины среднего возраста, ждущие задержавшийся самолет, о котором нет никаких известий.

Бабушка ухмыльнулась, ища зажигалку в карманах своего большого, не по размеру, пальто. Похоже, она не воспринимала происходящее всерьез, потому что всерьез она вообще ничего не воспринимает. Кроме тех случаев, когда она хочет курить и не может найти зажигалку. Тут уж не до шуток. Курение – это святое.

– Боже мой, да разве это забор? Было бы о чем говорить, – беспечно возразила она.

– Ты не божеймойкай! Это не я кидалась дерьмом в полицейского, – напомнила Эльса.

Бабушка закатила глаза.

– Ну что ты долдонишь, прямо как мать твоя. У тебя нет зажигалки?

– Мне семь лет! – отрезала Эльса.

– И долго ты будешь этим прикрываться?

– До тех пор, пока мне не исполнится восемь!

Бабушка застонала, бормоча всякую чушь, вроде «ой-ой-ой, спросить уже ничего нельзя», и продолжила рыться в карманах.

– По-моему, здесь нельзя курить, – сообщила ей Эльса, уже немного успокоившись и ковыряя дыру в гриффиндорском шарфе.

Бабушка снова ухмыльнулась:

– Почему это? Просто надо открыть окно.

Эльса с сомнением посмотрела на окно.

– По-моему, эти окна не открываются.

– Что за чушь, это еще почему?

– На них решетка.

Бабушка недовольно перевела взгляд с окна на Эльсу.

– Вот времена настали, уже и в полицейских участках нельзя покурить. Мы живем в тоталитарном государстве!

Эльса снова зевнула.

– Можно твой телефон?

– Зачем?

– Залезть в интернет.

– А что там тебе?

– Да так.

– Ты слишком много времени тратишь на интернет.

– Не трачу, а провожу в интернете.

– Не придирайся к словам.

Эльса покачала головой.

– Тратят деньги, а не время. Ты же не говоришь: «Я провела две прекрасные сотни крон на эти новые брюки». Или говоришь?

– А ты слышала про одну девочку, которая была до того умная, что от большого ума померла?

– Я как раз слышала про ту, что жила долго и счастливо, – фыркнула Эльса.

В помещение вошел полицейский – судя по виду, запредельно усталый. Он сел по другую сторону стола, устремив на Эльсу и бабушку полный отчаяния взгляд.

– Я хочу позвонить моему адвокату! – заявила бабушка.

– Я хочу позвонить моей маме! – заявила Эльса.

– И все-таки сначала я позвоню адвокату! – настаивала бабушка.

Полицейский со вздохом достал стопку бумаг.

– Твоя мама уже едет сюда.

Бабушка стала задыхаться так картинно, как умеет только она.

– Зачем вы ей позвонили?! Вы в своем уме? Она будет злая как собака! – возмущалась она, будто полицейский предложил оставить Эльсу в лесу на воспитание диким волкам.

– Мы должны известить законного представителя ребенка, – спокойно объяснил полицейский.

– Я тоже законный представитель этого ребенка! Я ее бабушка! – Она даже привстала со стула, помахивая дымящейся сигаретой.

– Время два часа ночи. Кто-то должен о ней позаботиться. – Полицейский кивнул на часы и хмуро покосился на сигарету.

– Я! Я о ней позабочусь! – выкрикнула бабушка.

Полицейскому было трудно сохранять вежливое лицо, но он старался. И приглашающим жестом указал на комнату для допроса.

– Как вы представляете себе свое ближайшее будущее?

Бабушка обиженно поджала губы. И снова села, смущенно покашливая.

– Э-э... ну раз так... то... Конечно. Если начать цепляться к деталям, то дело труба. Но буду надеяться на лучшее. А ведь все так хорошо начиналось, пока вы не стали на меня нападать! – Бабушка оскорбилась до глубины души.

– Вы понимаете, что вы незаконно проникли на территорию зоопарка?

– Да там и забора-то почти не было! – возразила бабушка.

– Закон не знает никаких «почти».

Пожав плечами, бабушка смахнула что-то со стола, всем своим видом давая понять: вопрос закрыт и хватит уже об этом.

– У вас тут хоть покурить можно?

Полицейский энергично замотал головой. Бабушка подалась вперед и с улыбкой заглянула ему в глаза:

– А бывают исключения для симпатичных дам?

Эльса толкнула бабушку в бок, чтобы переключить ее на тайный язык, который знают только они. У всех приличных бабушек и внучек есть свой тайный язык, так и в конституции написано, говорит Эльсина бабушка. Ну или должно быть написано.

– Ба, прекрати! По закону ты не можешь приставать к полицейским! – одернула Эльса бабушку на тайном языке.

– Это кто сказал? – спросила на тайном языке бабушка.

– Полиция!

– Полиция существует для народа, я им налоги плачу! – огрызнулась бабушка.

Полицейский смотрел на них так, как смотрят на семилетнюю девочку и семидесяти-семилетнюю бабушку, которые посреди ночи препираются в полицейском участке на тайном языке. Кокетливо подмигнув полицейскому, бабушка вопросительно кивнула на свою сигарету, но тот покачал головой. Тогда бабушка с важным видом откинулась на стуле и воскликнула на самом что ни на есть обычном языке:

– Ох уже эта ваша хваленая политкорректность! А сами устроили здесь апартеид для курильщиков!

Полицейский изменился в лице:

– Я бы на вашем месте выбирал слова.

Бабушка закатила глаза. Эльса внимательно посмотрела на нее:

– Как это пишется?

– Что? – Бабушка вздохнула, как вздыхает честный налогоплательщик, на которого ополчился весь мир.

– Апарта-что?

– А-п-п-о-р-т-е-и-д, – по буквам произнесла бабушка.

Разумеется, это слово пишется по-другому. Эльса убедилась в этом сразу, открыв «Википедию» в бабушкином телефоне. У бабушки серьезные проблемы с правописанием.

Полицейский листал свои бумаги.

– Сегодня мы вас отпустим. Но скоро вызовем снова в связи с незаконным проникновением и нарушением ПДД, – произнес он ледяным тоном.

– Как же достали эти андроиды, – простонала Эльса, тыкая пальцем в бабушкин телефон.

У бабушки андроид, потому что это старый телефон мамы. Сколько раз Эльса пыталась объяснить маме, что у всех нормальных людей – айфоны. С бабушкой все понятно, ей вообще телефон не нужен. Эльса еле уговорила ее взять мамин старый, потому что в умелых бабушкиных руках телефон Эльсы то и дело попадал в тостер и другие сложные обстоятельства. Тогда Эльсе приходилось пользоваться бабушкиным, хоть он и андроид.

– Какие еще нарушения ПДД? – удивилась бабушка.

– Для начала вспомним незаконное управление транспортным средством.

– Как это незаконное? Это моя машина! Мне что, разрешение нужно, чтобы водить собственный автомобиль?

– Нет, – терпеливо покачал головой полицейский. – Но вам нужны водительские права.

Бабушка всплеснула руками.

– Да здравствует общество тотального контроля!

В следующий миг помещение содрогнулось от грохота. Это Эльса швырнула об стол несчастный андроид.

– Что с тобой, деточка? – спросила бабушка.

– При чем тут апартеид?! Ты сравнила запрет на курение с апартеидом! А это разные вещи! Ничего общего.

Бабушка испуганно замахала руками.

– Слушай, ну я же... Я же сказала, примерно...

– Даже примерно у них ничего общего!

– Господи, да это была просто метафора...

– Дебильная метафора!

– Откуда ты знаешь?

– Из «Википедии»! – рявкнула Эльса, показывая на бабушкин телефон.

Бабушка повернулась к полицейскому:

– А ваши дети такое себе позволяют?

Полицейскому было явно не по себе:

– В нашей семье детям не разрешается... пользоваться интернетом без присмотра...

Бабушка всплеснула руками, словно говоря: «Вот видишь!» Но Эльса лишь покачала головой и с упрямым видом скрестила руки на груди.

– Просто извинись, что кидалась в него дерьмом, и он нас отпустит! – фыркнула Эльса на тайном языке. Она еще не отошла от истории с апартеидом.

– Прости, – сказала бабушка на тайном языке.

– Ему скажи, а не мне, балда! – ответила ей Эльса.

– Фашисты извинений не заслужили. Я плачу налоги. Это ты БАЛДА!

– Сама такая!

Они демонстративно повернулись друг к другу спиной, скрестив руки на груди. Затем бабушка обратилась к полицейскому на обычном языке:

– Будьте добры, передайте моей избалованной внучке, что при таком отношении она может шагать домой хоть сейчас.

– Пф-ф! Скажите ей, что я поеду домой вместе с мамой! Пусть сама отсюда шагает.

– Скажите ей, что я по... – начала было бабушка.

Тут полицейский молча встал и вышел из помещения, закрыв за собой дверь – без стука, но так, будто сейчас отойдет подальше, уткнется в подушку и заорет что есть мочи.

– Вот что ты наделала! – сказала бабушка.

– Это ты наделала, а не я! – ответила Эльса.

В следующий миг вошла женщина-полицейский с мускулистыми руками и зелеными глазами. Похоже, она видела бабушку не впервые – судя по усталой улыбке, какой улыбаются те, кто уже имел дело с бабушкой, и тяжкому вздоху.

– Когда ж это кончится? У нас и без того есть чем заняться.

– Вот и хватит уже, – пробормотала в ответ бабушка.

И их отпустили.

Они стояли на тротуаре и ждали Эльсину маму. Эльса задумчиво теребила дырку в шарфе. Дырка – прямо на эмблеме Гриффиндора. Эльса изо всех сил старалась не заплакать. Ничего, бывает и хуже.

– Да ладно тебе, мама зашьет, – бодрым голосом сказала бабушка и ткнула ее кулаком в плечо.

Эльса испуганно подняла глаза. Бабушке явно стало стыдно, она вдруг посерьезнела и понизила голос:

– Мы можем... ну, ты знаешь. Мы можем сказать маме, что шарф порвался, когда ты пыталась помешать мне залезть в вольер с обезьянами.

Эльса кивнула, глядя шарф. Он порвался не в тот момент, когда она пыталась помешать бабушке залезть к обезьянам. Это случилось в школе, когда три старшие девочки, которые почему-то ненавидят Эльсу, зажали ее возле столовой, побили, порвали шарф и бросили его в унитаз. Их обидный смех до сих пор дребезжит у нее в ушах, как будильник.

Бабушка заглянула ей в глаза. Наклонилась поближе и сказала на тайном языке:

– В один прекрасный день мы привезем этих дебилов в Миамас и бросим их на съеденье голодным львам!

Эльса утерла слезы рукой, вяло улыбнулась.

– Ба, ты думаешь, я совсем идиотка? – прошептала она. – Я ведь знаю, что ты все это натворила ради меня. Хочешь, чтобы я забыла про школу.

Бабушка кашлянула, ковыряя гравий носком ботинка.

– Э-э... все-то ты знаешь. Ты моя единственная внучка. Мне так не хотелось, чтобы этот день навсегда запомнился тебе из-за истории с шарфом. Я решила, пусть лучше он запомнится тем, как твоя бабушка устроила диверсию в зоопарке...

– И сбежала из больницы, – хмыкнула Эльса.

– Угу, – хмыкнула в ответ бабушка.

– И кидалась дерьмом в полицейского, – напомнила Эльса.

– Да никакое это не дерьмо! Обычная земля! Дерьма там было всего ничего.

– Изменять воспоминания – это ценная суперспособность!

Бабушка пожала плечами.

– Не можешь отделаться от гадкой дряни – вытесни ее какой-нибудь дрянью поприятнее.

– Дрянью приятной не бывает.

– Знаю.

– Спасибо, ба. – Эльса положила голову ей на плечо.

Бабушка кивнула:

– Мы, рыцари королевства Миамас, всего лишь выполняем наш долг, – шепнула она.

2. Обезьяна

Мама забрала их из участка. Похоже, она была дико зла, но владела собой и кричать не стала. Мама всегда владеет собой и почти никогда не кричит, ведь она полная противоположность бабушке. Эльса заснула еще до того, как мама пристегнула ее к креслу, и, когда они выезжали на трассу, была уже в Миамасе.

Миамас – это тайное королевство Эльсы и бабушки. Одно из шести во владениях Просонья. Бабушка придумала его, когда Эльса была маленькой, а мама с папой только что развелись. Эльса тогда боялась засыпать, потому что прочитала в интернете о ребенке, который умер во сне. Бабушка вообще мастерица на выдумки. Так вот, когда папа от них уехал и все стали такими кислыми и несчастными, Эльса каждую ночь в одной пижаме выбегала за дверь и, перейдя на цыпочках лестничную клетку, пробиралась в квартиру к бабушке. Они залезали в большой стенной шкаф, который никогда не переставал потихоньку расти, там слегка задремывали и отправлялись в путь.

Чтобы попасть в Просонье, до конца засыпать не надо. В том-то и хитрость. Уснуть надо только наполовину. И вот, в тот самый миг, когда глаза почти сомкнулись и ты уже одной ногой во сне, на границе между тем, что ты знаешь, и тем, во что веришь, вот тут-то ты и пускаешься в путь. Верхом на облаконе – бабушка решила, что добраться в Просонье можно только так. Облаконь приходит через балконную дверь, они садятся ему на спину и несутся во весь опор – все выше и выше, пока не покажутся всякие удивительные волшебные и безумные существа, которые населяют Просонье: энфанты, жалеи, Щас и ворсы, снежные ангелы, принцы, принцессы и рыцари. Облаконь парит над бескрайними темными лесами, где живет Волчье Сердце и прочие монстры, и медленно, рассекая мягкие ветра и любуясь ослепительными цветами, скользит вниз к городским воротам королевства Миамас.

Трудно сказать, какая тут связь: то ли бабушка тронулась умом оттого, что провела в Миамасе столько времени, то ли Миамас – такое сумасшедшее место из-за того, что бабушка там слишком часто бывала. Ясно одно, все бабушкины сказки родом оттуда. Ее самые чудесные и безумные сказки.

Бабушка говорит, что это королевство звалось Миамас по меньшей мере целую вечность десяти тысяч сказок, но Эльса-то знает, что Миамас обязан своим названием «пижаме»: в детстве она называла ее «миама». Однако бабушка продолжает утверждать, что ни черта она не придумала. Миамас и другие пять королевств Просонья существуют на самом деле, они гораздо более настоящие, чем настоящий мир, в котором «все экономят, пьют безлактозное молоко и все в таком духе». С настоящим миром бабушка не очень ладит. Тут слишком много правил, а бабушка с правилами не в ладах. Она жульничает в «Монополии», водит «рено», не обращая внимания на дорожные знаки, выносит из ИКЕА желтые сумки, а в аэропорту заходит за черту, которая огораживает паспортный контроль. Бабушка не закрывается в туалете. Это еще один из ее недостатков.

Но она умеет рассказывать лучшие сказки из десяти тысяч вечностей, а за это можно простить любой недостаток, – так думает Эльса.

Если сказка хорошая, значит, она пришла из Миамаса, говорит бабушка. Остальные пять королевств Просонья занимаются другими вещами. В королевстве Миревас сторожат мечты. В Миплорисе хранят все горе, какое есть на земле. Вся музыка родом из королевства Мимовас. В Миаудакасе собрали всю храбрость. А в Мибаталосе выросли самые смелые солдаты, сражавшиеся со страшными тенями в Бесконечной войне.

Миамас – любимое королевство Эльсы и бабушки, ведь самая благородная профессия там – сказочник. В Миамасе у сказочника власти больше, чем у короля. Фантазия там используется как валюта. Можно купить товар за звонкую монету, а можно за хорошую историю. И библиотека там зовется не библиотекой, а банком. В Миамасе книга – это целое состояние, а каждая сказка ценится на миллион. Бабушка каждый вечер привозит оттуда бесконечные сундуки с сокровищами. А в них – сказки о драконах, троллях, королях, принцессах и ведьмах. И о тенях. Ведь в каждой сказке есть свой ужасный злодей, и злодеи Просонья – это тени, ведь тени убивают фантазию.

А если уж человек взялся рассказывать сказки о тенях, то не обойтись без Волчьего Сердца. Потому что в Бесконечной войне он победил всех теней. Волчье Сердце – первый супергерой, о котором довелось узнать Эльсе.

Каждую ночь бабушка берет с собой в Миамас Эльсу. Там ее посвятили в рыцари. Теперь у нее есть собственный меч и она может ездить верхом на облаконе. Эльса больше не боится засыпать по ночам. В Миамасе никто не считает, что девочка не может быть рыцарем, горы там достают до самого неба, бивачные костры никогда не гаснут, и никакие debilки не разорвут твой шарф с Гриффиндором.

Разумеется, бабушка утверждает, что в Миамасе закрываться в туалете не принято. Там даже есть специальный закон на этот счет, и за его соблюдением следят во всем Просонье. Но Эльса уверена, что это просто «другая версия правды». Так бабушка именует вранье.

Так вот, на следующее утро Эльса проснулась в кресле в бабушкиной палате. Дверь в сортир была распахнута, там сидела бабушка, а в коридоре стояла мама. Бабушка как раз увлеченно излагала очередную версию правды. Получалось, прямо скажем, так себе. Настоящая правда состояла в том, что ночью бабушка сбежала из больницы, а Эльса улизнула из дома, пока мама и Джордж спали. Эльса и бабушка направились в зоопарк на «рено», там бабушка перелезла через забор. Задним числом это выглядит несколько безответственно с ее стороны – брать с собой среди ночи семилетнего ребенка. Тут Эльса не может не согласиться.

Бабушкины вещи были свалены в кучу на полу, от них пахло как в свинарнике (точнее, в обезьяннике), сама она объяснила, что, когда лезла к обезьянам через забор и этот тип стал орать, она подумала, мол, кто его знает, вдруг он насильник, вот и стала в него кидаться землей. А заодно и в полицейского. Мама устало качала головой, продолжая владеть собой, и повторяла, что бабушка все это выдумала.

Такие выражения бабушке не нравились, она предпочитала не столь унижительное «бросила вызов реальности». Мама была с ней не вполне согласна. Но изо всех сил владела собой. Ведь они с бабушкой просто земля и небо.

– Ты знаешь, это один из худших твоих поступков, – сказала наконец мама.

– Доченька, у меня и в мыслях не было ничего дурного, – беспечно ответила бабушка из сортира.

Тогда мама по пунктам перечислила, что натворила бабушка, а та в ответ только обронила, что у мамы совсем отсутствует чувство юмора. На что мама сказала, что хватит вести себя как безответственный ребенок. Но бабушка гнула свое:

– Ты знаешь, как пираты заходят в дом?

Мама не ответила.

– Через черный йо-хо-ход! – донеслось из сортира.

Мама вздохнула, массируя виски. Бабушка фыркнула:

– Я же говорю, полное отсутствие чувства юмора.

Мама закрыла дверь в туалет, а вот это уже серьезно: бабушка ненавидит сидеть в туалете с закрытой дверью.

Вот уже две недели, как она попала в больницу. Каждый день она сбегала оттуда, брала Эльсу, и они шли есть мороженое, а если мамы не было дома, ехали домой и катались по перилам на лестнице. Или терроризировали зоопарки. Это уж как бабушка скажет.

Бабушка, разумеется, не считала, что это побег. Для побега нужны совершенно другие обстоятельства. То ли дело, если бы им пришлось сражаться с драконом, преодолевать препятствия, перелезть через высоченную стену или, на худой конец, через крепостной ров. Только почему-то мама и больничный персонал этого мнения не разделяли.

В палату зашла медсестра и что-то тихонько сказала маме. Протянула ей какую-то бумагу, которую мама подписала и вернула обратно. С тех пор как бабушка лежит в больнице, у нее сменилось восемь медсестер и один медбрат. Семерых она забраковала, а медбрат сам от нее отказался. Бабушка поведала ему, что у него «симпатичная задница». Это был комплимент не ему, а заднице, утверждала бабушка, и нечего выделяться. В этом месте мама попросила Эльсу надеть наушники, но Эльса все же услышала, как бабушка кричит про разницу между «сексуальными домогательствами» и «дежурным комплиментом про задницу, боже мой!».

Вообще мама и бабушка много ругались. Сколько Эльса себя помнит, они все время ругаются. По любому поводу. Пусть бабушка супергерой с дисфункцией, зато мама – гиперфункциональный супергерой. Они примерно как Циклоп и Росомаха из «Людей Икс».

Жаль, что ее близкие не знают «Людей Икс». Никто не понимает, что она имеет в виду. А все потому, что они не читают серьезную литературу. Светлые головы – те вообще темнота, называют серьезную литературу комиксами, и приходится все упрощать и объяснять на пальцах, что «Люди Икс» – это супергерои. Хотя в строго научном смысле они мутанты, а это большая разница. Но если не вдаваться в тонкости, то можно просто-напросто сказать, что суперспособности у мамы и бабушки совершенно противоположные. Это как если бы Человеку-пауку – а это любимый Эльсин супергерой – противостоял Халк, чья суперспособность заключалась бы в том, что он не мог даже вскарабкаться на скамейку. В хорошем смысле.

Вообще-то по определению у Циклопа и Росомахи не противоположные суперспособности, но если начнешь это объяснять человеку, который ничего в супергероях не смыслит, то усложнять не стоит, считает Эльса.

По зрелом размышлении Эльса решила, что проще сказать так: мама – это порядок, бабушка – это хаос. Эльса где-то прочитала, что хаос – сосед Бога¹, а мама объяснила ей, что Хаос мог переехать к Богу только по одной причине: он больше не вынес соседства с бабушкой.

У мамы на каждый случай есть пометка в ежедневнике в телефоне и миллион всяких папок. За пятнадцать минут до встречи мамин телефон играет специальную мелодию. Если бабушке надо запомнить что-нибудь важное, она записывает это маленьким фломастером прямо на кухонной стене. И не важно, где она при этом находится – дома или в гостях. Иногда система дает сбой: в тот момент, когда требуется вспомнить необходимую информацию, нужно находиться там, где была сделана запись. Когда Эльса сказала об этом бабушке, та лишь

---

¹ «Хаос – сосед Бога» – пьеса известного шведского драматурга Ларса Нурена. – *Здесь и далее – прим. перев.*

ухмыльнулась: «Зато гораздо меньше риск потерять кухонную стену, чем дурацкий телефон!» Тогда Эльса напомнила бабушке, что мама никогда ничего не теряет. Закатив глаза, бабушка со вздохом ответила: «Ну конечно же твоя мама просто редкое исключение. А мое правило, знаешь ли, предназначено для несовершенных людей».

Совершенство – вот мамина суперспособность. С ней не так весело, как с бабушкой, зато она всегда знает, где лежит Эльсин шарф с Гриффиндором. «Если уж твоя мама не нашла какую-то вещь, значит, можно считать, что она и вправду потеряна», – шепчет мама Эльсе на ухо, обматывая ей шарф вокруг шеи.

Эльсина мама по натуре начальство. «Не только на работе, но и по жизни», – ухмыляется бабушка. Мама – не тот человек, с кем можно шагать в ногу – шагать можно только за ней. А бабушка – такой человек, от которого некоторые предпочитают держаться подальше, она не нашла ни одного шарфа за всю свою жизнь.

Начальство бабушка терпеть не может, в том-то и проблема с больницей, в больнице начальство из мамы лезет с особенной силой, потому что вообще-то она там и есть начальство.

– Господи, Ульрика, не надо преувеличивать! – закричала бабушка из туалета, а в палату тем временем вошли новая медсестра и врач. Мама снова подписала документы и назвала какие-то цифры.

Мама прекрасно владела собой, она улыбнулась медсестре и врачу, но те, нервно улыбаясь в ответ, вышли из палаты. Долгое время из туалета не доносилось ни звука. Наконец мама начала подавать признаки беспокойства – как обычно, когда в присутствии бабушки становится слишком тихо. Она принялась и рывком распахнула дверь. Голая бабушка сидела на унитазе, закинув ногу на ногу и небрежно покачивала дымящейся сигаретой.

– В чем дело? Можно оставить меня в покое хотя бы на тот краткий миг, что я сижу в сортире?

Мама, держась за живот, массировала виски. Бабушка с серьезным видом кивнула, указывая сигаретой на мамин живот.

– Господи, успокойся, Ульрика, не забывай, что ты беременна!

– Может, тебе тоже не стоит об этом забывать? – сказала мама. Она по-прежнему владела собой.

– Шах, – пробормотала бабушка, глубоко затянувшись дымом.

Это такое слово, о значении которого Эльса догадывается, хотя точно не знает. Мама медленно покачала головой.

– Ты хоть понимаешь, как это опасно для Эльсы и будущего ребенка? – спросила мама, кивая на сигарету.

Бабушка закатила глаза.

– Ну задолбонила! Люди курили во все времена, и ничего, вон каких здоровых детей нарожали. Твое поколение не понимает, что человечество миллионы лет прожило без всяких тестов на аллергию и прочего дерьма, пока не пришли вы, такие все из себя уникальные. Думаешь, дикари тоже свои шкуры в стиральных машинах стирали при девяноста градусах, прежде чем детей заворачивать?

– А сигареты в те времена уже были? – лукаво спросила Эльса.

Бабушка тяжело вздохнула:

– Давай не будем, ладно?

Мама держалась за живот. Интересно, это Полукто пихается или мама закрывает ему уши, чтобы не слышало? Мама у них общая, а вот папой будет Джордж, поэтому Полукто приходится Эльсе полубратом или полусестрой. Но человеком он будет целым, это Эльсе пообещали. Пару дней она провела в страшном смятении, пока ей не объяснили, в чем разница. «Такая умная, а элементарных вещей не понимаешь», – ответила бабушка, когда Эльса решила

у нее уточнить. Потом они еще три часа не разговаривали. А это для них новый персональный рекорд.

– Ульрика, милая, я просто хотела показать ребенку мартышек, – тихо пробормотала бабушка, затушив сигарету об раковину.

– Все, мое терпение кончилось, – мама была в полном отчаянии, хотя все еще владела собой. Она вышла в коридор, чтобы подписать еще какие-то документы с цифрами.

Бабушка действительно хотела показать Эльсе обезьян, это чистая правда. Дело было так. Поздно вечером они говорили по телефону – Эльса из дома, а бабушка из больницы. Они спорили о том, существует ли разновидность обезьян, которые спят стоя. Разумеется, бабушка ошибалась, это есть в «Википедии» и еще много где. Но потом Эльса рассказала историю с шарфом и бабушка решила, что им надо поехать в зоопарк, посмотреть обезьян и развеяться. Эльса выскользнула из дома, пока мама с Джорджем спали. И когда бабушка стала перелезать через забор, пришел ночной сторож, а потом полицейский. И бабушка стала бросать в них землей. Но они подумали, будто это дерьмо. Главным образом потому, что бабушка кричала: «ПОЛУЧАЙ ДЕРЬМОМ ПО РОЖЕ!»

Мама беседовала с кем-то в коридоре. Ее телефон не переставая звонил. Эльса села к бабушке на кровать. Бабушка надела ночную рубашку, села напротив и ухмыльнулась. Они достали «Монополию». Бабушка украла деньги из банка, и когда Эльса разоблачила ее, бабушка угнала машину, примчалась на вокзал и попыталась скрыться из города.

В палату вернулась мама. Выглядела она устало. Мама сказала, что Эльсе пора домой, потому что бабушке надо отдохнуть. На прощание Эльса обнимала бабушку, долго-долго.

– Когда ты вернешься? – спросила Эльса.

– Завтра! – пообещала бабушка бодрым голосом. Она ведь действительно каждый день возвращается.

Бабушка поправила Эльсе волосы, и, когда мама снова исчезла в коридоре, сказала ей с очень серьезным видом на их тайном языке:

– У меня для тебя есть важное задание.

Эльса кивнула, бабушка всегда дает ей задания на тайном языке, который знают только те, кто побывал в Просонье. Эльса всегда успешно их выполняет. Так делают все рыцари Миамаса. Это их долг. Единственное, чего они не могут, – покупать сигареты и жарить мясо, здесь Эльса бессильна. Потому что это так отвратительно. Даже у рыцарей есть свои принципы.

Растянувшись на полу, бабушка пошарила под кроватью и достала пакет. Это было не мясо и не сигареты. Это были сладости.

– Ты должна передать шоколад Другу.

Прошло несколько мгновений, прежде чем Эльса поняла, о каком друге идет речь. Эльса в замешательстве посмотрела на бабушку:

– Ба, ты в своем уме? Смерти моей желаешь?

Бабушка закатила глаза.

– Хватит придуриваться. Ты хочешь сказать, что рыцарь Миамаса не осмеливается пойти на задание?

Эльса обиженно прищурилась:

– На слабо берешь.

– Зришь в корень! – ухмыльнулась бабушка.

Эльса выдернула пакет у нее из рук. В нем шуршали обертками конфеты «Дайм». Бабушка пояснила:

– Важно развернуть все конфеты. Иначе он будет страшно недоволен.

Эльса сердито заглянула в пакет.

– Что я ему скажу? Он даже не знает, кто я!

Бабушка фыркнула так, будто хотела пустить соплю.

– Конечно, знает! Господи. Просто скажи ему, что бабушка просит прощения.

Эльса изумленно посмотрела на бабушку:

– Прощения за что?

– За то, что надолго оставила его без сладостей, – ответила бабушка с таким видом, будто это и младенцу понятно.

Эльса снова заглянула в пакет.

– Отправлять свою единственную внучку на такое задание безответственно. Он ведь может меня убить.

– Не долдонь, – фыркнула бабушка.

– Сама не долдонь! – прошипела Эльса.

Бабушка улыбнулась в своей любимой манере.

В конце концов Эльса тоже улыбнулась. Вот всегда так.

– Ты должна тайно передать шоколад Другу, так, чтобы Бритт-Мари не заметила. Дождись, пока у них завтра вечером будет встреча жильцов, и прокрадись к нему!

Эльса кивнула. Хотя страшно боялась Друга и по-прежнему считала, что это дико безответственно – посылать на опасное задание свою единственную внучку. Но бабушка крепко сжала руками ее указательные пальцы, она всегда так делает, и тогда Эльса ничего не боится. Они снова обнялись на прощание.

– До встречи, о мой гордый рыцарь Миамаса, – шепнула бабушка ей на ухо.

Бабушка никогда не говорит «пока». Только «до встречи».

Когда Эльса одевалась возле дверей, она услышала, как бабушка с мамой обсуждали «уход и лечение». Мама попросила Эльсу надеть наушники, и та послушно выполнила просьбу. Эльса попросила наушники в подарок на прошлое Рождество, она очень скрупулезно проследила за тем, чтобы мама и бабушка заплатили за них пополам. Потому что так справедливо.

Теперь, когда они между собой ругаются, Эльса надевает наушники, делает звук громче и представляет, что мама и бабушка – актрисы немого кино. Эльса из тех детей, которые рано поняли, что по жизни лучше идти со своим саундтреком.

Последнее, что она слышала, – бабушкин вопрос о том, когда ей можно будет забрать «рено» со штрафстоянки. Бабушка говорит, что выиграла эту машину в покер. В детстве Эльса думала, что Рено зовут только бабушкину машину. Но однажды узнала, что это просто марка, они есть у многих. Но ей до сих пор кажется, будто это имя бабушкиного автомобиля. И оно ему ужасно подходит. Эльса представляет себе старика-француза, который все время кашляет. Бабушкин «рено» тоже старый, французский и ржавый, при переключении скоростей он издает такой звук, будто железные стулья волочат по бетонному полу. Эльса не раз его слышала: когда бабушка за рулем курит и ест шаурму, а руль держит коленями, она выжимает сцепление и кричит: «Давай!» – И Эльса переключает скорость.

Ей не хватает этих поездок.

Мама сказала бабушке, что с «рено» покончено. Бабушка с возмущением возразила, что это ее машина. Но без водительских прав за руль садиться нельзя, сказала мама. Тогда бабушка назвала маму «милая фрёкен» и сообщила, что ее права действительны в шести странах мира. Мама поинтересовалась, не входит ли случайно в их число Швеция. После чего бабушка обиженно замолчала и позволила медсестре взять у нее кровь.

Эльса пошла к лифту, потому что видеть не может шприцы – не важно, кого ими будут колоть, ее или бабушку. Она села на стул и открыла в айпэде «Гарри Поттера и Орден

Феникса». Кажется, она перечитывает эту книгу в двенадцатый раз. Из всей серии она нравится ей меньше всего, поэтому *всего лишь* двенадцатый.

Наконец пришла мама и забрала ее, они вместе спустились на стоянку, и тут Эльса вспомнила, что забыла в палате гриффиндорский шарф. Она побежала обратно.

Бабушка сидела на краю кровати спиной к двери и разговаривала с кем-то по телефону, она не видела Эльсу. Из разговора было понятно, что бабушка инструктирует своего адвоката насчет того, какое пиво надо купить, когда в следующий раз он придет к ней в больницу. Эльса знает, что адвокат приносит пиво тайком в огромных энциклопедиях, которые бабушка якобы использует для своих «исследований». Внутри такие энциклопедии пустые, в них хранятся упаковки с баночным пивом. Сняв с вешалки шарф, Эльса раскрыла рот, чтобы окликнуть бабушку, но та вдруг понизила голос:

– Марсель, но это же моя внучка! Да благословят небеса ее славную головку. Отродясь не встречала таких умных детей. Она вполне может взять на себя эту ответственность. Эльса – единственная, кто может принять правильное решение.

Воцарилось молчание, но немного погодя бабушка решительно продолжила:

– Я знаю, что она всего лишь ребенок! Но она умнее, чем все эти взрослые идиоты вместе взятые! Это мое завещание, и точка! А ты мой адвокат и должен с этим смириться. Делай, что тебе говорят!

Эльса стояла в дверях, затаив дыхание. Бабушка сказала:

– Да потому что я пока не хочу ей рассказывать! Каждый семилетний ребенок заслужил своего супергероя!

На этих словах Эльса повернулась и бесшумно вышла в коридор, обмотавшись мокрым от слез гриффиндорским шарфом.

Последнее, что она слышала, были бабушкины слова:

– Понимаешь, Марсель, я не хочу, чтобы Эльса знала, что я умру. Каждый семилетний ребенок заслужил себе супергероя, у которого не может быть рака, – иначе какой из него супергерой.

3. Кофе

Дом у бабушки непростой. Его запах ни с чем не спутаешь.

Строго говоря, дом самый обычный. В нем четыре этажа и девять квартир, и пахнет там бабушкой. И разумеется, там всегда стоит запах кофе. В доме есть прачечная для жильцов, где на стене висит свод правил под заголовком: «Для вашего удобства». Слово «удобства» подчеркнуто дважды. А еще там есть лифт, который всегда сломан, баки для разных сортов мусора во дворе, пьянчуга, бойцовый пес и бабушка.

В общем, самый обычный дом. Строго говоря.

Бабушка живет на верхнем этаже. В квартире напротив живут мама и Джордж. Джордж – мамин бойфренд, это здорово осложняет жизнь, потому что он бабушкин сосед. Джордж носит бороду и маленькую шапочку на затылке. Он ходит на пробежку в спортивных шортах, наде-тых поверх легинсов, любит английскую кухню и называет отбивную «стейком». Бабушка гово-рит, хорошо хоть, он такой симпатичный, а то тупой, как глобус. Она никогда не называет его Джордж, она говорит «мухомор». Не для того, чтобы позлить маму, хотя маму это раз-дражает. А чтобы Эльса знала: во всех ситуациях она на ее стороне. Так поступают любящие бабушки, когда родители ребенка разводятся и заводят себе новых партнеров. И вдруг сооб-щают ребенку, что у него будет сводный брат или сестра. Хорошая бабушка будет на стороне внучки. Всегда. Независимо от обстоятельств. А то, что маму это доводит до белого каления, – просто приятный бонус.

Мама с Джорджем пока не знают, кто у них Полукто – полудочка или полусын. Хотя на УЗИ уже видно. Но для Джорджа принципиально важно не знать заранее. Он всегда говорит «дитя», чтобы не «навязывать гендерную роль». Когда он впервые это сказал, Эльсе послыша-лось «гендерный тролль». Ох и тяжелый у них тогда выдался вечер.

Полукто будут звать Эльвир или Эльвира, так решили мама с Джорджем. Когда Эльса рассказала об этом бабушке, та аж поперхнулась: Эльф-вир?

Ну да, Эльвир – это как бы мужская форма имени Эльвира, – принялась объяснять Эльса, но бабушка лишь покачала головой и усмехнулась: «Эльф Вир из обители эльфов? Они небось думают, что ребенок поможет Фродо добыть кольцо». Бабушка с Эльсой тогда как раз посмот-рели все серии «Властелина колец», потому что мама недвусмысленно дала понять, что Эльсе этот фильм смотреть нельзя.

Эльса прекрасно понимает, что бабушка не желает зла будущему ребенку. Или Джорджу. Но бабушка есть бабушка, она всегда на стороне Эльсы, независимо от обстоятельств. Бабушка от нее не отвернулась даже в тот раз, когда Эльса рассказала, что ненавидит Джорджа. И даже

Полукто иногда ненавидит. Вот и представьте себе, как можно не любить бабушку, которая, выслушав эти ужасные признания, все равно остается на твоей стороне.

Квартира у бабушки в точности такая же, как у мамы, только там царит беспорядок. Мамина квартира похожа на маму, а бабушкина – на бабушку. Мама любит, когда аккуратно, а бабушка – когда приятно.

В квартире этажом ниже, прямо под бабушкой, живут Бритт-Мари и Кент. Они очень любят вещи, и Кент все время рассказывает о том, что сколько стоит. Его постоянно нет дома, потому что он предприниматель. Кент любит шутить, что он все время что-то предпринимает. Он сам громко смеется своей шутке, а если остальные молчат, повторяет ее еще раз немного громче, как будто проблема в этом.

Бабушка считает, что Кент ужасный идиот, а слово «предприниматель» пришло к нам из Просонья, когда кто-то не расслышал слова «ничего не понимает он», так говорили о бродягах, пришедших в Миамас из других стран. Эльса еще не решила, стоит ли этому верить, но во всяком случае Бритт-Мари почти всегда дома, так что она-то вряд ли предприниматель. Бабушка говорит, что Бритт-Мари «работает старой перечницей на полную ставку». Они с бабушкой никогда не могут хоть в чем-то прийти к согласию. Это как если бы тушка кролика пыталась подружиться с открытым огнем. «У этой старухи мозоль на душе», – говорит бабушка. И правда, у Бритт-Мари всегда такой вид, будто она только что выбрала из коробки конфету с невкусной начинкой. Это она повесила в прачечной свод правил «Для вашего удобства». Потому что всеобщее удобство для Бритт-Мари превыше всего, хотя они с Кентом – единственные во всем доме, у кого есть собственная стиральная машинка с сушилкой. Однажды, когда Джордж вернулся из прачечной, Бритт-Мари поднялась к ним на этаж, чтобы поговорить с мамой. В руках она держала мокрый клочок шерсти, который был обнаружен в фильтре сушилки. Она протянула его маме, словно это был новорожденный птенец, со словами: «Ульрика, по-моему, ты забыла это в прачечной!» Когда Джордж сказал ей, что в этот раз стирал он, Бритт-Мари улыбнулась, хотя ей явно было не до улыбок. «Ну и времена пошли, – ответила она и, благожелательно улыбнувшись маме, протянула ей клочок шерсти. – В этом кондоминиуме, милочка, мы опорожняем после себя фильтр сушилки. Для общего удобства!»

Вообще-то никакого кондоминиума у них пока нет, но скоро он появится, Бритт-Мари и Кент об этом позаботятся. И в нем будут свои правила. Так что Бритт-Мари – это бабушкин немезис. Эльса читает серьезную литературу и в курсе, кто такой немезис.

В квартире напротив Бритт-Мари и Кента живет женщина в черной юбке. Ее почти никогда не видно, разве что поздно вечером или рано утром – она быстрым шагом поднимается по лестнице и исчезает за дверью. На ней всегда туфли на высоких каблуках, безупречно выглаженная черная юбка, а под мышкой тоненькая папка. Из уха у нее торчит белый проводок с микрофоном, и она всегда с кем-то громко беседует. Женщина в юбке никогда не здоровается и не улыбается. Бабушка говорит: «Будь я ее юбкой, у меня бы тоже ни одной морщинки не было, с такой не забалуешь!»

Этажом ниже, прямо под Бритт-Мари и Кентом, живут Леннарт и Мод. Леннарт выпивает двадцать чашек кофе в день и всегда выглядит так, будто выиграл в лотерею. Он самый добрый человек в мире – почти, потому что самый добрый человек в мире – его жена Мод. И она всегда «как раз только что испекла печенье». А еще вместе с ними живет Саманта, которая спит круглые сутки. Саманта – это бишон фризе, но Леннарта и Мод это не смущает, они разговаривают с ней так, будто это человек. В присутствии Саманты они вместо «кофе» говорят «взрослый напиток». Бабушка считает, что они оба больные на всю голову, но с точки зрения

Эльсы это не важно, – главное, что они добрые. Дома у них всегда найдутся мечты и обьятия. Мечты – это такие печенья, а обьятия самые настоящие, в буквальном смысле слова.

Напротив Леннарта и Мод живет Альф. Он работает водителем такси и всегда ходит в кожаной куртке. Настроение у Альфа обычно плохое, а подошва на ботинках тоньше папиросной бумаги, ведь он страшно шаркает при ходьбе. Бабушка говорит, это потому, что центр тяжести у Альфа ниже всех во Вселенной.

В квартире под Леннартом и Мод живут мальчик с синдромом и его мама. Мальчик на год с небольшим младше Эльсы, он всегда молчит. Его мама все время теряет вещи, из карманов у нее что-то сыпется, как у воров из мультика, когда полицейские их обыскивают и гора наворованного добра на глазах становится выше их. Но и у нее, и у мальчика такие приветливые глаза, что даже бабушка относится к ним нормально.

Напротив них, за лифтом, который никогда не работает, живет Монстр. Эльса не знает, как его зовут на самом деле, но его все боятся. Действительно все. Даже Эльсина мама, которая вообще ничего не боится в целом мире, тихонько толкает ее в спину, когда они проходят мимо квартиры Монстра. Никто из жильцов никогда его не встречал, потому что днем он на улицу не выходит, но на собрании жильцов Кент всегда повторяет: «Такие люди не должны разгуливать на свободе! Но в этой проклятой стране, вместо того чтобы посадить человека за решетку, потакают выдумкам психиатров!» Бритт-Мари строчила письма домовладельцам с требованием вышвырнуть Монстра: она твердо убеждена, что он привлечет сюда «других правонарушителей». Эльса не знает, что это значит. Похоже, Бритт-Мари тоже. Когда однажды Эльса спросила о Монстре у бабушки, та как-то странно на нее посмотрела и тихо ответила: «Есть вещи, которых лучше не знать». А бабушка, между прочим, сражалась с тенями на Бесконечной войне в Просонье и видела таких чудовищ, которые могут привидеться только в вечности десяти тысяч сказок.

Да-да, в Просонье измеряют время именно так – вечностями и сказками. Это, конечно, не лучший вариант, но часов там не существует и все отмеряют время по своим ощущениям. Если ты чувствуешь, что сейчас примерно без пяти минут вечность, то скажешь, что вечность не за горами. А если кажется, что еще пахать и пахать, значит, впереди целая вечность. Единственное, что вмещает в себя целую вечность, – это сказка; сказочная вечность – вечнее вечного. Но самая вечная вечность – это вечность десяти тысяч сказок. Это самая большая величина в Просонье.

Ладно, не будем отвлекаться. На первом этаже дома, где живут все эти люди, есть комната для собраний. Там раз в месяц проходят встречи жильцов. В обычных домах жильцы встречаются не так часто, но в этом доме квартиры сдаются внаем, и Бритт-Мари с Кентом очень хотят, чтобы все жильцы дома «путем демократических преобразований» потребовали у домовладельцев продать им квартиры, чтобы дом перешел в их собственность и стал кондоминиумом. Для этого и нужны собрания. Правда, больше никто из жильцов не хочет приобрести свою квартиру в собственность. И честно говоря, тот аспект, что связан с демократическими преобразованиями, Бритт-Мари с Кентом любят меньше всего.

На этих собраниях всегда скука смертная. Сначала все вспоминают, о чем они ругались на предыдущих собраниях и на протяжении следующих двух часов снова скандалят по этому поводу. Потом достают ежедневники и начинают ругаться из-за того, когда назначить следующую встречу. А тут и расходиться пора. Но сегодня Эльса все равно пойдет на собрание, потому что ей надо знать, когда начнется очередной скандал, чтобы никто не заметил, как она прошмыгнет в дверь и пойдет на задание.

Кент еще не пришел, он всегда опаздывает. Альф тоже не пришел, потому что Альф всегда приходит минута в минуту. Но Мод и Леннарт уже сидели за большим столом, а Бритт-Мари с мамой стояли возле буфета и обсуждали кофе. Саманта спала на полу. Мод пододвинула к Эльсе большую коробку с мечтами. Леннарт сидел рядом и в ожидании кофе пил кофе из термоса, который принес с собой. Он всегда следит за тем, чтобы у него был кофе на крайний случай, пока он ждет настоящий кофе.

Бритт-Мари стояла возле раковины, нервно сцепив руки на животе, и смотрела на маму. Мама делала кофе. Поэтому Бритт-Мари так нервничала. Она считала, что лучше дожидаться Кента. Бритт-Мари всегда просит без Кента не начинать. Но мама не любит ждать, она любит все держать под контролем, поэтому она делала кофе. Бритт-Мари беспокойно смахивала со стола возле мойки невидимые крошки. Ей везде мерещатся крошки, которые нужно срочно смахнуть. Она благожелательно улыбнулась маме:

– Как там кофе? Все в порядке, милочка?

Однажды Бритт-Мари узнала, что мама терпеть не может, когда ее называют милочкой. Теперь Бритт-Мари всегда называет маму милочкой. И хотя мама сотни раз ей об этом говорила, все без толку.

– Да, спасибо, – сдержанно ответила мама.

– Давайте все жеждемся Кента, – благожелательно настаивала Бритт-Мари.

– Ну, кофе можно сварить и без Кента. Думаю, мы справимся, – сказала мама, стараясь владеть собой.

Бритт-Мари снова сцепила руки в замок и улыбнулась:

– Да-да, конечно, милочка моя, пусть будет по-твоему. Иначе и не бывает.

Мама смотрела в пространство с таким видом, будто умножала трехзначные цифры в уме. Она продолжала отмерять кофе.

– Бритт-Мари, это всего лишь кофе.

Бритт-Мари с понимающим видом кивнула и отряхнула с юбки невидимые пылинки. У нее на юбке всегда есть пылинки, которые видит только она и которые необходимо стряхнуть.

– Кент всегда готовит такой вкусный кофе. Так все считают, – сказала Бритт-Мари.

Мод немного нервничала. Она не любит конфликты. Поэтому она все время печет печенье – когда есть печенье, для конфликтов остается меньше места. Мод легонько толкнула в бок Эльсу и прошептала: «Бери еще». Эльса взяла два. Тем временем мама сказала Бритт-Мари, что варить кофе не так и сложно, а Бритт-Мари ответила:

– Конечно, конечно, Ульрика, у вас в семье для женщин вообще сложного мало!

Мама улыбнулась. Бритт-Мари тоже. Но было видно, что внутри они не улыбаются.

Глубоко вздохнув, мама насыпала кофе в мерный стаканчик. Бритт-Мари продолжала отряхивать юбку и как бы мимоходом сказала:

– Но мы все очень рады, Ульрика, что вы с малышкой Эльсой сегодня будете с нами, очень рады.

– Мм, – не разжимая губ промычала мама, продолжая отмерять кофе. Руки Бритт-Мари стряхивали пылинки.

– Мы ведь понимаем, милочка, как тяжело тебе найти время для ребенка, у тебя же карьера.

Мама так яростно сыпала кофе, как будто мысленно швыряла его в лицо Бритт-Мари. Но все же владела собой. Бритт-Мари подошла к окну, переставила цветок в горшке и сказала, будто думая вслух:

– А твой сожитель, понятное дело, целыми днями дома. Хозяйство ведет.

– Джордж сейчас в прачечной, – ответила мама, которая по-прежнему владела собой, и со всей силы нажала кнопку кофемашины.

Бритт-Мари кивнула:

– *Сожитель* – это ведь так теперь называется? Ну что ж, сейчас времена другие, мы все готовы принять, – Бритт-Мари снова приветливо улыбнулась. И, страхнув с юбки пылинки, добавила:

– Конечно, это нормально, ничего плохого здесь нет.

Мама невозмутимо улыбнулась ей в ответ:

– Что ты хочешь сказать, Бритт-Мари?

Бритт-Мари подскочила на месте с таким видом, словно она в шоке оттого, что ее так превратно поняли, и вскрикнула:

– Ничего особенного, Ульрика, что ты, ничего особенного!

Когда Бритт-Мари злится или нервничает, она все повторяет дважды. Однажды Эльса с бабушкой съездили в ИКЕА и купили пушистые голубые пледы. Бабушка весь вечер чесала их щеткой, а потом собрала с пола клочья шерсти и набила в мешок. Ночью Эльса с фонариком стояла на шухере, пока бабушка бегала в прачечную, чтобы вытряхнуть содержимое мешка в барабан сушильной машины.

После этого случая Бритт-Мари еще несколько недель повторяла все по два раза.

В дверях появился Альф в скрипящей кожаной куртке с шоферским жетоном на груди. Сразу было видно, настроение у него ни к черту. В руке он держал вечернюю газету. Альф посмотрел на часы: ровно семь.

– В объявлении черным по белому было написано, что собрание в семь! – гаркнул Альф, обращаясь к пространству.

– Кент немного опаздывает, – прошептала Бритт-Мари и, улыбаясь, сложила руки в замок. – У него в концерне очень важная встреча с Германией. – Похоже, Бритт-Мари хотела сказать, что у Кента встреча со всей страной.

Пятнадцать минут спустя в комнату ворвался запыхавшийся Кент, его пиджак развевался, словно мантия. Кент кричал в телефон:

– Ja, ja, Klaus! Ja! We will dizcuzz it at ze meeting in Frankfurt!²

Альф оторвался от газеты и забарабанил по циферблату наручных часов:

– Надеюсь, ты не очень расстроился, что мы все пришли вовремя, твою мать!

Не обращая на Альфа ни малейшего внимания, Кент сложил руки в театральном жесте и с усмешкой обратился к Леннарту и Мод:

– Ну что, начинаем? Дело у нас нехитрое, не детей строгать!

Он повернулся к маме и, усмехаясь, кивнул на ее живот:

– Нам и этого хватит!

Поскольку мама не упала под стол от смеха, Кент повторил еще раз, чуть громче, как будто мама просто не расслышала:

– Нам и этого хватит!

Мод разложила печенье. Мама подала кофе. Сделав глоточек, Кент аж подпрыгнул:

– Ох и крепкий!

Альф осушил чашку одним глотком:

– В самый раз!

Едва пригубив, Бритт-Мари, поставила чашку на ладонь и с благожелательной улыбкой сказала:

– По-моему, кофе достаточно крепкий, да.

Она исподтишка посматривала на маму.

– А ты, значит, милочка, пьешь кофе, несмотря на беременность?

---

² Да, да, Клаус! Да! Обсудим это на встрече во Франкфурте! (*ломаный английский*).

Не успела мама и рот раскрыть, Бритт-Мари поспешно добавила:

– Нет-нет, конечно, ничего плохого тут нет. Это совершенно нормально!

Кент объявил собрание открытым, и начался двухчасовой спор о том, о чем все-таки спорили на прошлой встрече.

В этот момент Эльса незаметно ушла.

Комната для собраний жильцов находилась на первом этаже, прямо напротив входа в подъезд, рядом с лестницей, ведущей в подвал, гараж и прачечную. В прачечной возился Джордж. Поднявшись на второй этаж, Эльса нерешительно посмотрела на дверь, ведущую к Монстру. Ничего страшного, на улице пока что светло, а Монстр выходит только с наступлением темноты.

Затем она перевела взгляд на дверь соседней квартиры, где на почтовом ящике не было таблички с именем. Там жил Друг. Эльса стояла в паре метров от двери, затаив дыхание, в ужасе представляя, что он раскучит дверь, бросится на нее и вцепится в глотку, если услышит, что она подошла слишком близко. Только бабушка называет его Другом. Для остальных он бойцовая собака. Но больше всего его ненавидит Бритт-Мари.

Эльса не знает, как у него по части бойцовских качеств, но такого огромного пса она не видала за всю свою жизнь. Когда из-за двери доносится его лай, такое впечатление, что тебя лупят клюшкой по башке.

Вообще-то Эльса видела Друга лишь однажды, за несколько дней до того, как бабушка заболела. Она тогда испытала такой дикий ужас, словно встретила нос к носу с тенью в Просонье.

Была суббота, они с бабушкой собирались на выставку динозавров. Мама без спросу положила в стирку шарф с Гриффиндором и дала Эльсе другой. Зеленый. Цвет Слизерина! О чем она вообще думает, эта женщина, есть у нее хоть мало-мальская способность понимать другого человека?! Эльса до сих пор как вспомнит, так злится.

Друг лежал на бабушкиной кровати, словно сфинкс возле пирамиды. А Эльса окаменев стояла в дверях и во все глаза смотрела на гигантскую черную морду и глазищи – такие бездонные, что казалось, будто это дыры, ведущие в преисподнюю. Никогда в жизни Эльса не видела такого огромного существа.

Бабушка как ни в чем не бывало вышла из кухни и стала надевать пальто.

– Э-э-это... кто? – прошептала Эльса.

– Это Друг, – беспечно ответила бабушка, докрутив самокрутку. – Он тебе ничего не сделает, если ты ничего не сделаешь ему.

«Легко сказать, – с возмущением думала Эльса. – Такому чудовищу много не надо». Однажды в школе Эльсу ударила одна из девочек, которые ее ненавидят, – только за то, что у нее «дурацкий шарф». Спрашивается, что ей Эльса сделала? Вот и тогда она стояла в коридоре, ее обычный шарф – в стирке, вместо него на шее совершенно другой шарф, который мама так бездумно на нее намотала, и размышляла о том, что чудовище ничего ей не сделает, если она ничего не сделает ему. А вдруг псу не по душе этот шарф? Где, черт побери, можно ознакомиться с универсальными правилами выживания в этом мире?

В конце концов Эльса выпалила:

– Это не мой шарф! Он мамин! У нее начисто отсутствует вкус! – и попятилась к двери.

Друг молча таранил на нее свои адские зенки, иначе язык не поворачивается назвать эти черные блюдца. Во всяком случае, так казалось Эльсе. Вот-вот пасть раскроет, в этом Эльса не сомневалась. Но бабушка лишь покачала головой и, подмигнув Другу, пробормотала: «Ох уж эти дети». Бабушка сходила за ключами от «рено», и они двинулись на выставку динозавров.

Эльса помнит, что бабушка оставила входную дверь полуоткрытой, и, когда они садились в машину, Эльса спросила, что в ее доме делает этот пес. А бабушка ответила:

– Он просто пришел в гости.

– А почему он всегда так страшно лает за дверью? – спросила Эльса.

– Он лает, только когда мимо проходит Бритт-Мари! – с довольным видом ответила бабушка.

– Почему?

– Чтобы немного развлечься, – ответила бабушка, улыбаясь от уха до уха.

Эльса спросила, с кем живет Друг, а бабушка ответила: «Господи, почему все обязательно должны жить с кем-то! Вот я, например, живу одна». А когда Эльса попыталась возразить, что это немного разные вещи, ведь бабушка не собака, та и вовсе перестала что-либо объяснять.

Так вот, Эльса стояла на лестнице и очищала от фантиков «Дайм». В двери было отверстие для почты: достаточно кинуть туда конфетку, и она окажется на полу в квартире. Первую конфету Эльса кинула так быстро, что крышка, прикрывающая отверстие, громко хлопнула. Дыхание у Эльсы остановилось, сердце стучало, как молот о наковальню. Но тут она вспомнила, что дело надо провернуть поскорее, иначе Бритт-Мари может что-нибудь заподозрить. Потому что Бритт-Мари ненавидит Друга. Эльса вспомнила, что несмотря ни на что, она рыцарь королевства Миамас, и снова приподняла крышку.

Послышалось чудовищное дыхание. Такое впечатление, будто в легких у чудовища грохотал камнепад. Сердце у Эльсы стучало так, что Друг наверняка ощущал вибрацию через дверь. Эльса осторожно приподняла крышку и сказала в отверстие:

– Бабушка просит прощения за то, что так долго не приносила сладости!

Она снимала с шоколадок обертки и пригоршнями кидала их на пол.

Почувствовав шевеление возле самой щели, Эльса в ужасе отдернула руку. На несколько мгновений воцарилась тишина. Потом послышался хруст, челюсти Друга с бешеной скоростью перемалывали шоколад.

Пока он ел, Эльса рассказывала:

– Понимаешь, бабушка заболела. – Эльса не ожидала, что ей будет так тяжело об этом говорить, голос дрожал. Кажется, Друг тоже насторожился и затаил дыхание. Она просунула в щель еще несколько конфет. – У нее рак, – прошептала Эльса.

Друзей у Эльсы нет, поэтому она не знает, как сообщать такие вещи. Но если бы друзья у нее были, Эльса хотела бы, чтобы они знали, что у бабушки рак. Даже если эти друзья – самые огромные существа со времен сотворения мира.

– Она просит прощения, – шепнула Эльса в черную щель и, вытряхнув туда остатки конфет, осторожно закрыла крышку.

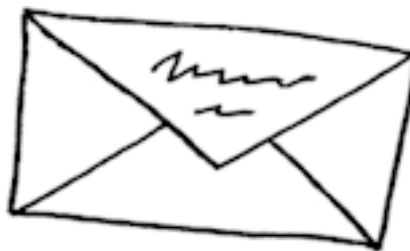
Она посмотрела на дверь Друга. Перевела взгляд на дверь Монстра. Если за первой дверью скрывается такое чудовище, то что за второй? Лучше об этом не знать.

Эльса вприпрыжку спустилась по лестнице. Джордж все еще в прачечной. В комнате для собраний ничего нового: все пьют кофе и ругаются.

Ведь это самый обычный дом.

Ну, строго говоря.

4. Пиво

Допустим, на улице два градуса тепла, а в больничной палате кто-то прячет под подушкой пивные бутылки. Окно открыто, чтобы выветрился запах табака, и Эльсина мама ничего не заметила.

Так пахло в палате у бабушки. И судя по запаху, дела шли довольно скверно.

Бабушка с Эльсой играли в «Монополию». Бабушка ни слова про рак не сказала, Эльсе это знать ни к чему. Эльса тоже не сказала ни слова о смерти, бабушке это ни к чему. Бабушка не любит разговоров о смерти и никогда не любила, особенно о своей собственной. Смерть – это бабушкин антагонист. Пока за дверью мама что-то тихо обсуждала с врачами, Эльса пыталась сделать вид, что все в порядке. Получалось так себе.

Бабушка усмехнулась с загадочным видом.

– Я рассказывала, как устроила на работу драконов в Миамасе? – спросила она на тайном языке.

Хорошо, что их никто не понимает, ведь в больнице у стен есть уши, говорит бабушка. Особенно если начальство в этих стенах – мама.

– Дык! Конечно! – вздохнула Эльса на тайном языке.

Бабушка кивнула и рассказала всю историю целиком еще раз. Так уж устроена бабушка. А Эльса внимательно слушала – так уж устроена Эльса.

Она знает, что люди часто за глаза говорят о бабушке, будто та «переходит границы». Бритт-Мари без конца это повторяет. Наверное, бабушка из-за этого так любит королевство Миамас, ведь там нельзя перейти границы, поскольку оно безгранично. И не в том смысле, в каком говорят по телевизору красивые люди – «безгранично!» – и встряхивают волосами, а по-настоящему. Никто точно не знает, где его начало, а где конец. Так происходит еще и потому, что в отличие от пяти других королевств Просонья, которые построены из цемента и камня, Миамас целиком и полностью построен из фантазии. И еще потому, что у Миамасской крепостной стены необычное чувство юмора. То ей вдруг взбредет в голову переместиться на пару километров в глубь леса – просто потому, что захотелось побыть в одиночестве. А на следующее утро, глядь, она уже перебралась в самый центр города, чтобы окружить какого-нибудь дракона или тролля, – просто потому, что она на них обиделась. Например, за то, что они всю ночь пьянствовали и описали стену, пока та спала.

Надо сказать, что в Миамасе особенно много драконов и троллей, больше чем в любом другом королевстве Просонья, потому что главной статьей экспорта в Миамасе являются сказки. Светлые головы в реальном мире об этом даже не подозревают, что с них возьмешь. А вот в Миамасе у драконов и троллей неплохие перспективы на рынке труда, потому что каждой сказке нужны злодеи.

– Так было не всегда, – любит повторять бабушка с самодовольным видом.

– Ты сто раз это говорила, – вздыхает в ответ Эльса.

Но бабушка все равно рассказывает эту историю.

Было время, когда сказочники в Миамасе почти позабыли драконов. Особенно трудно было найти работу «возрастным драконам», объясняет бабушка Эльсе, а та устало закатывает глаза.

– Для драконов среднего возраста совсем не было подходящих ролей, – продолжает бабушка. В этом месте она всегда делает драматическую паузу и добавляет: – До поры до времени!

И тут бабушка излагает всю историю с самого начала. Оставшись без работы, миамасские драконы стали безобразничать, они круглые сутки пили водку, курили сигары и выясняли отношения с крепостной стеной. Наконец жители Миамаса стали молить бабушку о помощи: надо срочно принять меры по трудоустройству драконов. Вот тогда-то бабушка и придумала, что в конце сказок драконы должны будут сторожить сокровища.

До того момента у сказочников была большая проблема: как быть с сокровищами, которые добывают герои. Положим, нашли они его где-нибудь глубоко в пещере, забрали оттуда. А дальше что? Где эпическая битва? Где драматический апофеоз?

– Без этого любая сказка превращается в никудышную компьютерную игру, – обычно говорит бабушка, дойдя до этого места, и кивает, чтобы подчеркнуть серьезность своего вывода. В этом вопросе бабушка осведомлена хорошо, потому что летом Эльса научила ее играть в «Варкрафт», после чего бабушка несколько недель играла в компьютер сутки напролет, пока мама не сказала, что это «тревожная тенденция», и не запретила бабушке ночевать в комнате Эльсы.

Как бы то ни было, благодаря бабушкиной идее сказочники решили свою проблему за один вечер.

– Поэтому в конце каждой сказки теперь есть драконы! Это я постаралась! – посмеивается бабушка. Так повторяется из раза в раз.

У бабушки на каждый случай найдется история из Миамаса. И без всякого случая тоже. Одна из них повествует о Миплорисе – королевстве, в котором хранится вся скорбь мирская. Злая ведьма украла у принцессы Миплориса волшебное сокровище. С тех пор поиски этой ведьмы продолжались непрерывно. Другая история посвящена двум братьям-принцам, которые были влюблены в принцессу Миплориса и своими кровопролитными битвами практически стерли с лица земли все Просонье.

Есть сказка о морском ангеле, который потерял своих близких и был из-за наложенного на него проклятия обречен вечно скитаться по морю вдоль берегов Просонья. И сказка об Избранном – лучшем танцоре Мимоваса – королевства, откуда происходит вся музыка мира. Тени решили похитить Избранного, чтобы уничтожить Мимовас, но облаконь спас его и нес на своей спине до самого Миамаса. А когда тени явились за ним, все жители шести королевств Просонья – принцессы и принцы, рыцари и солдаты, тролли, ангелы, ведьмы – договорились между собой, что будут защищать Избранного. И началась Бесконечная война. Она бушевала целую вечность десяти тысяч сказок, пока с гор не вернулись ворсы, а Волчье Сердце не вышел из леса. Они повели доброе воинство в последнюю битву и оттеснили теней обратно за море.

Про Волчье Сердце, разумеется, сложена отдельная сказка. Он родился в Миамасе, но, как и все солдаты, вырос в Мибаталосе. У него душа сказочника, но в груди бьется сердце воина. Это самый великий и непобедимый солдат из тех, что когда-либо жили в шести королевствах Просонья. Он прожил вечность множества сказок в дремучих лесах, но вернулся в Просонье, когда оно в нем нуждалось.

Бабушка рассказывала эти сказки сколько Эльса себя помнила. Сначала перед сном и чтобы обучить ее тайному языку, ну и еще немножко потому, что бабушка всегда была с приветом. Но в последние годы появилось и что-то другое. Что именно – Эльса никак не могла диагностировать.

Слово «диагностировать» Эльса смотрела в словаре.

– Положи вокзал на место, – сказала Эльса.

– Я его купила, – возразила бабушка.

– Ага, конечно. А ну клади обратно! – сердито сказала Эльса.

– Такое впечатление, что я играю в «Монополию» с Гитлером! – возмутилась бабушка, положив вокзал на место.

– Гитлер стал бы играть не в «Монополию», а в «Завоевание мира», – пробормотала Эльса, потому что она уже смотрела про Гитлера в «Википедии» и много спорила с бабушкой по поводу ее вечных сравнений с Гитлером.

– Шах, – пробормотала в ответ бабушка, и Эльса была почти уверена, что она использует это слово не по назначению.

В течение минуты они играли молча. Это был максимальный рекорд для их ссоры.

– Ты передала шоколад Другу? – спросила бабушка.

Эльса кивнула. Она не стала говорить о том, что рассказала Другу про рак. Потому что бабушка наверняка на нее обидится, но главным образом потому, что ей самой не хотелось говорить про рак. Вчера она читала о нем в «Википедии». Потом проверила, что значит «завещание», и так разозлилась, что всю ночь не могла уснуть.

– Как вы подружились с Другом? – спросила она.

Бабушка пожала плечами.

– Да просто взяли и подружились.

Знать бы, что это значит «просто взяли и подружились»? У Эльсы друзей не было, кроме бабушки. Но спрашивать Эльса не стала – знала, что бабушка расстроится.

– Миссия выполнена, – тихо сказала она. Такое выражение непросто перевести на тайный язык, хотя к делу это отношения не имеет.

Бабушка кивнула, исподтишка посматривая на дверь, словно боялась, что за ними подглядывают. Потом запустила руку под подушку. Бутылки с приглушенным звоном стукнулись друг о друга, бабушка смачно выругалась, увидев, что наволочка перепачкана пивом. Достала из-под подушки конверт и протянула его Эльсе.

– Вот тебе следующее задание, о рыцарь Эльса. Раскрой конверт не раньше завтрашнего утра.

Эльса скептически посмотрела на бабушку:

– Ты когда-нибудь слышала про имейл?

– Не морочь мне голову! Такие вещи по имейлу не сообщают!

Эльса взяла конверт и взвесила его на руке. Нащупала выпуклость снизу.

– Что там?

– Письмо и ключ, – сказала бабушка.

Она вдруг стала испуганной и серьезной – ни то ни другое для бабушки не характерно – и схватила Эльсу за указательные пальцы.

– Завтра утром тебе предстоит выполнить одно из сложнейших заданий и добыть сокровища, мой маленький храбрый рыцарь. Ты готова?

Бабушка всегда очень любила охоту за сокровищами. В Миамасе это один из видов спорта. По охоте за сокровищами устраивают соревнования, потому что она входит в программу олимпийских игр. Правда, публику олимпийские игры в Миамасе не собирают: участвуют в них невидимки, избегающие публичности.

Разумеется, Эльса любит искать сокровища. Не так сильно, как бабушка, потому что никто во всем королевстве за всю вечность тысячи сказок никогда не любил охоту за сокровищами так, как бабушка. Эльса любит охоту потому, что это занятие – только их с бабушкой.

А бабушка готова на все, лишь бы поохотиться за сокровищами. Вот как в тот раз, когда они отправились за покупками и бабушка забыла, где она припарковала «рено». Или когда ей надо уговорить Эльсу проверить всю почту и заплатить по счетам, потому что бабушке невыносимо скучно делать это самой. А еще когда в школе устраивают день спорта и старшие дети бьют Эльсу в душе скрученными полотенцами.

Для бабушки все что угодно превращается в охоту за сокровищами. Парковка становится волшебной горой, скрученные полотенца – драконами, которых надо перехитрить. И тогда Эльса всегда выходит героем.

Эльса никогда не видела бабушку такой. Обычно бабушка говорит наполовину в шутку, наполовину всерьез. Но сейчас другой случай. Бабушка наклонилась ближе:

– Тот, кому достанется ключ, получит инструкции, как его использовать. Эльса. Ты должна защитить замок.

Бабушка всегда называет их подъезд замком. Эльса была уверена, что бабушка просто слегка с приветом. Но сейчас засомневалась.

– Ты должна защитить замок, Эльса! Защитить свою семью. И своих друзей! – решительно сказала бабушка.

– Каких друзей?

Бабушка обняла ладонями ее щеки и улыбнулась:

– Они скоро появятся. Завтра ты отправишься на задание, тебя ждет прекрасная сказка и невероятные приключения. Обещай, что не будешь меня после этого ненавидеть.

У Эльсы защипало в глазах.

– Почему я должна тебя ненавидеть?

Бабушка погладила ее веки.

– Понимаешь, у бабушек есть право скрывать от внуков свои дурные стороны. Бабушки не рассказывают внукам, какими паршивками они были до того, как стали бабушками.

– Я прекрасно знаю тебя с разных плохих сторон! – возразила Эльса и тотчас добавила: – Например, ты не понимаешь, что айфон нельзя сушить в тостере!

Эльса хотела развеселить бабушку, но у нее ничего не вышло. Бабушка печально прошептала в ответ:

– Тебя ждет невероятное приключение и прекрасная сказка, о мой любимый рыцарь. Но по моей вине в конце этой сказки ты встретишь дракона.

Эльса недоверчиво прищурилась. Что-то новенькое! Что в конце каждой сказки есть дракон, бабушка всегда считала своей заслугой. И никогда не называла это виной. Бабушка вся сжалась – такой маленькой и слабой Эльса ее раньше не видела. Совсем не похоже на супер-героя.

Бабушка поцеловала ее в лоб.

– Обещай, что не будешь меня ненавидеть, когда узнаешь, кем я была в прошлом. И обещай, что защитишь замок. И своих друзей.

Эльса ничего не поняла, но пообещала. Бабушка обняла ее и держала в объятиях долго как никогда.

– Отдай письмо тому, кто будет ждать. Он его брать не захочет, но ты скажи, что письмо от меня. Скажи, что ихняя бабушка просит прощения.

Она вытерла слезы, бегущие по щекам Эльсы. Не «ихняя», а «их» поправила Эльса. После дежурной перепалки на эту тему они снова сели за «Монополию», отведали плюшек с корицей и обсудили, кто бы выиграл, если бы Гарри Поттер подрался с Человеком-пауком. Смех, да и только. Просто бабушка ничего не смыслит в таких вещах, иначе бы и спорить не стала. Только бабушка может спорить о таких вещах, в которых ничего не смыслит. Любому ясно, что победа за Гарри.

Разумеется, Эльса любит Человека-паука. Дело не в этом. Давайте смотреть правде в глаза: кто устоит перед Гарри Поттером? Тут и говорить не о чем.

Бабушка достала еще плюшек из больших бумажных пакетов, спрятанных под другой подушкой. Они хранились там не потому, почему пиво, которое бабушка прятала от мамы. Просто бабушке нравится, когда все, что ей нравится, собрано в одном месте. А пиво и плюшки бабушке очень нравятся.

Эльса узнала логотип на пакетах, бабушка всегда покупает плюшки в одном и том же месте. Она считает, что никто во всем мире больше не умеет делать настоящие миревасские плюшки с корицей. Ведь все плюшки делают в королевстве Миревас, это национальное блюдо во всех королевствах Просонья. Плохая новость: есть это блюдо можно только в национальный праздник Просонья. Хорошая новость: национальный праздник в Просонье отмечается ежедневно. «Печь плюшки – дело серьезное, это вам не в тапки срать», – сказала бабушка, которая сроду ничего не пекла. И которая, надеялась Эльса, не станет использовать тапки для подобных целей.

– Бабушка, ты правда поправишься? – робко спросила Эльса. Есть вопросы, на которые боишься услышать честный ответ, даже если тебе уже почти восемь.

– Конечно! – ответила бабушка без тени сомнения, хотя видела, что Эльса не верит.

– Обещай, – потребовала Эльса.

Бабушка наклонилась к самому уху Эльсы и прошептала на тайном языке:

– Обещаю, о мой милый, любимый рыцарь. Обещаю, что мне станет лучше. Все будет хорошо.

Бабушка всегда так говорит. Жизнь наладится. Все будет хорошо.

– Я все-таки думаю, что Человек-паук оставит от твоего Гарри мокрое место. – Бабушка попыталась вывести Эльсу из себя.

– Да у тебя совсем уже башка не варит! – закричала Эльса, хоть и понимала, что бабушке только это и нужно.

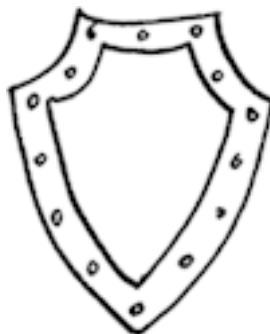
Бабушка засмеялась. Эльсе тоже стало смешно. Притом что всему есть границы и проходят они как раз там, где начинаются предположения, будто кто-то может победить Гарри Поттера. Тем не менее обе продолжали есть плюшки. И играть в «Монополию». Так долго обижаться Эльса не в состоянии.

Солнце зашло. Стало тихо. Эльса лежала рядом с бабушкой на узкой больничной койке. Как только они задремали, явился облаконь. Он подхватил их и унес в Миамас.

Немного погодя в доме на другом конце города жильцы проснулись и вскочили посреди ночи: похоже, это завyla бойцовая собака со второго этажа. Человеческое ухо не слыхивало такого душераздирающего и громкого воя со времен сотворения мира. Он словно бы проникал в реальность из самых глубин преисподней. Этот вой был похож на песню о печали и скорби всей вечности тысячи сказок. Он не смолкал всю ночь. До самого рассвета.

В больничную палату пробралось утро. Эльса проснулась в бабушкиных объятиях. А бабушка осталась в Миамасе.

5. Лилии

Если у тебя есть бабушка, считай, что за тобой целая армия.

Право внуков – знать, что есть человек, который всегда на твоей стороне. Независимо от обстоятельств. Даже если ты ошибаешься. Особенно если ты ошибаешься.

Бабушка – это одновременно щит и меч, это совсем особенный вид любви, недоступный ни одной светлой голове. Пусть в школе считают, что Эльса не такая, как все, подразумевая что-то плохое, пусть Эльса приходит домой с синяками, а директор говорит, что она «должна адаптироваться», а не «провоцировать других детей», – бабушка всегда на ее стороне. Она не позволяет ей извиняться. Не позволяет брать на себя вину. Никогда не говорит: «Не обращай внимания, тогда им надоест тебя доводить» или «просто отойди в сторонку, и все». Бабушка все знает. Все понимает. С бабушкой можно пойти в разведку.

Потому что вместе они банда.

Каждый вечер Эльсу ждет история из Миамаса. Чем сильнее растет Эльсино одиночество в реальной жизни, тем больше становится ее армия в Просонье. Чем сильнее удары скрученного полотенца днем, тем интереснее приключения, которые ждут ее ночью в королевстве Миамас. Там никто никогда не скажет, что она должна адаптироваться. Так что Эльса не особенно впечатлилась, когда папа первый раз взял ее с собой в Испанию и объяснил, что в этом отеле «все включено». Когда у тебя есть такая бабушка, то жизнь – это сплошное «все включено».

Учителя в школе говорят, что у Эльсы синдром дефицита внимания. Но это неправда. Она все книги о Гарри Поттере может рассказать наизусть. Она в точности знает, у кого какая суперспособность в «Людях Икс» и кто из них в состоянии победить Человека-паука. Она может с закрытыми глазами начертить карту Средиземья из «Властелина колец». Если, конечно, рядом в тот момент не стоит бабушка, которая теребит бумагу и ноет, что это скука смертная, и не уговаривает ее сесть в «рено» и отправиться куда глаза глядят в поисках приключений. Вот такая она не-угомонная, бабушка. Она уже показала Эльсе все потаенные уголки Миамаса и других пяти королевств Просонья. Даже руины Мибаталоса, разрушенного теньями в Бесконечной войне. Эльса и бабушка стояли на скале у побережья, где пожертвовали собой девяносто девять снежных ангелов, и смотрели на море – когда-нибудь тени снова вернутся с другого берега. Эльса знает о тенях все, потому что бабушка говорит, что врагов надо знать лучше, чем самого себя.

Раньше тени были драконами, но злоба и мрак разъедали их изнутри так сильно, что они превратились в тени. А это гораздо опаснее. Они ненавидят людей и их сказки, эта ненависть

была такой долгой и сильной, что тьма объяла их тела и теперь различить можно только тени. Поэтому сражаться с ними так трудно – они могут исчезнуть в стене, раствориться в земле или улететь в никуда. Эти тени безумны и кровожадны; если они укусят, ты не умрешь, ты будешь обречен на бесконечные мучения: ты утратишь фантазию. Она вытечет через рану, оставленную их зубами, а ты станешь серым и пустым. Год за годом твоё тело будет истончаться и рушиться, и в конце концов от него останется одна оболочка. Так будет продолжаться, пока на земле не останется человека, который помнит хотя бы одну сказку.

Но Волчье Сердце победил теней в Бесконечной войне. Он пришел из лесов, когда сказки нуждались в нем больше всего, и оттеснил тени к морю. Однажды они вернутся. Наверное, поэтому бабушка рассказала ей все истории. Чтобы Эльса была готова.

Так что учителя ошибаются. У Эльсы нет проблем с вниманием. Просто она тратит его только на важные вещи.

Бабушка считает, что тугодумы всегда обвиняют в невнимательности тех, кто сообщает быстро.

– Понимаешь, идиоты не в состоянии осознать, что неидиоты быстрее их додумывают мысль до конца и переходят к следующей. Поэтому идиоты всегда такие трусливые и агрессивные. Они до смерти боятся умных девочек.

Бабушка повторяла это Эльсе, когда в школе у нее выдавались особенно неудачные дни в плане дефицита внимания. Тогда они ложились в необъятную бабушкину кровать, над которой прямо на потолке висели бесчисленные черно-белые фотографии, и щурили глаза до тех пор, пока люди на фотографиях не заплещут. Эльса не знала, кто эти люди, бабушка называла их своими звездами, потому что когда сквозь занавески начинал пробиваться свет уличных фонарей, снимки поблескивали, словно звезды в ночном небе. На них были изображены мужчины в военной форме, мужчины-врачи в халатах, мужчины безо всего. Высокие мужчины с улыбкой и мужчины с усами, невысокие и квадратные мужчины в шляпах – все стоят перед бабушкой и смотрят на нее так, словно она только что рассказала неприличный анекдот. Мужчины не смотрят в камеру, потому что не в силах оторвать взгляда от бабушки.

Бабушка еще совсем юная. И красивая. И бессмертная. Она стоит рядом с дорожным указателем, надпись на котором Эльса не может прочитать, а вокруг пустыня с палаткой и мужчины с пулеметами в руках.

На всех фотографиях есть дети. У одного забинтована голова, второй лежит на больничной койке под капельницей, у третьего только одна рука, а на месте другой культя. Но один мальчик цел и на вид совершенно здоров. Кажется, он сможет пробежать сто километров босиком. Он ровесник Эльсы, а волосы у него такие кудрявые и густые, что в них ключи потеряешь. Взгляд у мальчика такой, будто он только что узнал, где хранится тайный запас мороженого и фейерверков. Глаза большие, круглые, как шары, и такие темные, что белки в них будто мел на школьной доске. Кто он, Эльса не знала, но про себя прозвала его Волчонком-оборотнем, потому что они выглядят именно так.

Она часто думала расспросить бабушку о Волчонке. Но как только она собиралась это сделать, глаза начинали закрываться, и облакони уже несли ее вместе с бабушкой над Просо-ньем и вскоре приземлялись у ворот королевства Миамас. И Эльса откладывала вопрос на завтра.

Но наступил день, когда завтра не стало.

Эльса сидела на скамейке у большого окна. Она так замерзла, что зубы стучали. Мама разговаривала с какой-то женщиной с голосом, как у кита. В смысле, если бы киты умели говорить. Хотя, конечно, настоящего кита Эльса никогда не видела, но ей казалось, голос у него

должен быть как у бабушкиного проигрывателя. Однажды бабушка решила сделать из него робота. Какого именно, она точно не знала, но получилось так себе. И после этого пластинки на проигрывателе стали говорить голосом кита. В тот день Эльса узнала, чем отличаются виниловые пластинки от компакт-дисков. Тогда она поняла, откуда у стариков столько свободного времени: раньше они тратили его на то, чтобы менять пластинки, а теперь появился спотифай.

Она подняла воротник куртки и плотнее замотала вокруг шеи шарф Гриффиндора. Ночью как-то неохотно выпал первый снег. Первые снежинки презрительно фыркали, прежде чем растаять на асфальте, словно хотели подчеркнуть, что, будь их воля, они бы не падали. Сегодня снега выпало столько, что можно делать снежных ангелов. Эльса это обожает.

В Миамасе снежных ангелов можно делать круглый год. Хотя симпатиями, по мнению бабушки, этих ребят не назовешь. Ходят такие надменные, воображают о себе, вечно недовольны официантами в трактирах. «Вино нюхают и все в таком духе», – говорит бабушка. Но почему бы и не воображать о себе, если для этого есть все основания?

Вытянув ноги, Эльса ловила снежинки мысками ботинок. Она терпеть не могла сидеть на улице и ждать маму, но еще больше ненавидела ждать маму, сидя в помещении.

Хотелось поехать домой. Вместе с бабушкой. Даже их дом скучает по бабушке. Не люди, которые живут в этом доме, а само здание. Стены постукивают и трещат от тоски. А Друг был две ночи напролет. Бритт-Мари заставила Кента позвонить в дверь, где живет Друг, но ему никто не открыл. Друг гавкнул так, что Кента аж об стенку шибануло. И Бритт-Мари позвонила в полицию. Она давно ненавидит Друга. Несколько месяцев назад Бритт-Мари ходила по квартирам и просила всех подписать петицию с требованием о том, чтобы домовладелец «вышвырнул этого ужасного бойцового пса».

«Нельзя держать собак в многоквартирном доме. Это вопрос безопасности! Подумайте о детях, они могут пострадать!» – объясняла всем Бритт-Мари с видом человека, пекущегося о детях. Единственными детьми во всем доме были Эльса и мальчик с синдромом, и Эльса сомневалась, что ее безопасность особенно беспокоит Бритт-Мари.

Мальчик с синдромом живет в квартире напротив ужасной бойцовой собаки, но его мама беспечно сообщила Бритт-Мари, что скорее бойцовая собака считает мальчика угрозой своей безопасности, нежели наоборот. Бабушка просто покатывалась со смеху, когда рассказывала об этом Эльсе, но Эльса смогла рассмеяться только после того, как удостоверилась, что Бритт-Мари не начнет ходить по квартирам с требованием запретить детей. Бритт-Мари – она такая, от нее всего можно ждать.

Петицию подписали только Леннарт и Мод – не потому, что они не любят бойцовых собак, нет, просто им трудно кому-либо в чем-либо отказать, особенно Бритт-Мари. Узнав об этом, бабушка спустилась к ним на этаж и спросила, как они могут подписывать петицию против собак, если у них есть Саманта. Леннарт и Мод очень удивились. «Речь идет о собаках, а не о Саманте», – неуверенно сказал Леннарт. Мод кивнула и осторожно добавила: «Саманта у нас бишон фризе».

Пересказывая их разговор, бабушка неизменно именovala Леннарта и Мод мудаками, так что пришлось ее поправить и объяснять, что так вообще-то не говорят, это называется «психические расстройства». А бабушка, закуривая новую сигарету, пробормотала, что «эта чертова политкорректность уже в печенках сидит».

Бритт-Мари с благожелательной улыбкой объяснила бабушке, что Саманта – «это вам не какая-нибудь ужасная бойцовая собака!». Как по Эльсе, так внешний вид обманчив, и, если Саманта на вид довольная и спокойная, это не значит, что внутри ее не идет борьба. Но вслух этого говорить не стала. Кто ее знает, что она подумает, эта Бритт-Мари.

Эльса прыгнула со скамейки и стала ходить туда-сюда, чтобы немного согреться. Рядом с окошком женщины-кита находилось кафе. Возле дверей стояла белая рекламная раскладушка с ценами: «ЭКСПРЕССО всего за 19 крон». Эльса изо всех сил держала себя в руках, так велит

мама. Но под конец не выдержала, достала из кармана красный маркер и аккуратно зачеркнула букву «К» в слове «экспрессо».

Полюбовавшись на результат, Эльса кивнула, убрала маркер и снова села на лавочку. Склонив голову набок, она закрыла глаза и почувствовала, как холодные ножки снежинок колют лицо. Вдруг до нее донесся запах табачного дыма, и поначалу Эльса сама себе не поверила. Этот запах казался таким приятным, она глубоко втягивала его ноздрями, и почему-то ей сразу стало тепло и спокойно.

Но вскоре к этому добавилось и что-то еще. Что-то сжало ребра. Сигнал тревоги.

Мужчина стоял чуть поодаль. В тени многоэтажки. Видно его было довольно плохо: тонкий силуэт и огонек сигареты. Фигура словно лишена очертаний. Мужчина стоял вполборота, как будто не видел ее.

Эльсе почему-то стало страшно, она пошарила рукой по лавке в поисках оружия. Странно, обычно мысль про оружие посещает ее только в Миамасе. В реальной жизни ее первый порыв – убежать, и только в Миамасе благородные рыцари в случае опасности выхватывают меч. К тому же сейчас никакого меча поблизости не было.

Снова подняв глаза, Эльса увидела, что мужчина все так же на нее не смотрит, но она могла поклясться, что теперь он стоит чуточку ближе. Его по-прежнему окружала тень, хоть он и отошел подальше от многоэтажки. Будто бы это тень не от дома, а от него самого. Эльса зажмурилась и, когда снова открыла глаза, ей уже не казалось, что мужчина придвинулся ближе.

Она была в этом просто уверена.

Соскользнув со скамейки, Эльса попятилась к большому окну, попытавшись нащупать ручку двери, и наконец проскользнула внутрь, споткнувшись о порог. Она стояла в коридоре, дыша так, что сердце готово было выпрыгнуть из груди. И только когда дверь за ней, предвительно тренькнув, закрылась, она поняла, почему запах дыма внушил ей чувство спокойствия. Мужчина курил тот же табак, что бабушка. Эльса его ни с чем не перепутает, потому что она помогала бабушке крутить самокрутки. Бабушка говорила, что пальчики у Эльсы «такие крошечные – в самый раз для этих чертовых трубочек».

Эльса смотрела в окно и уже не могла отличить тени от реальных людей. На мгновение ей показалось, будто мужчина так и стоит на другой стороне улицы, но вскоре она уже сомневалась, что когда-либо его видела.

Когда мамины руки нежно опустили ей на плечи, Эльса все еще билась, как испуганный зверек. Она металась с выпученными глазами, пока ноги не подогнулись сами собой. В маминых объятиях ее вдруг охватила невероятная усталость. Она не спала двое суток. Живот у мамы такой огромный, что на него можно поставить чашечку с чаем. Джордж любит шутить, что это сервировочный столик, приготовленный для беременных самой природой.

– Идем домой, – ласково шепнула мама ей на ухо.

Эльса стряхнула усталость и вырвалась из маминых рук.

– Я хочу поговорить с бабушкой!

Мама выглядела совершенно раздавленной. Похоже, у нее фрустрация. Фрустрация – это слово из Эльсиной словарной копилки. Впрочем, к этому мы еще вернемся.

– Знаешь... дружочек... лучше не стоит, – прошептала мама.

Но Эльса уже бежала мимо регистратуры, прямо в следующую комнату. Женщина-кит что-то кричала ей вслед, но мама, которая все еще владела собой, попросила женщину пропустить Эльсу.

Бабушка ждала ее посреди комнаты. Пахло лилиями, это любимые мамины цветы. У бабушки любимых цветов нет, дольше суток растения в ее доме не живут, и однажды в приступе небывалой сознательности, – которые у нее бывают, прямо скажем, нечасто, – и, по всей вероятности, энергично подбадриваемая любимой внучкой, бабушка решила, что все эти любимые цветы – настоящее преступление против природы.

Эльса остановилась, не дойдя до бабушки, и стояла, сердито засунув руки в карманы. Она постучала башмаками об пол, тщательно стряхивая снег.

– Не хочу я охотиться за твоими дурацкими сокровищами!

Бабушка не отвечала. Она всегда молчит, если Эльса права. Эльса продолжала отряхивать снег.

– Дурацкая бабушка! – крикнула она.

Бабушка молчала. Эльса села на стул рядом с ней и достала письмо.

– Сама разноси свои дурацкие письма... – прошептала Эльса.

С тех пор как Друг начал выть, прошло уже двое суток. Вот уже двое суток, как Эльса не бывала в королевстве Миамас. Никто не сказал ей правды. Взрослые пытаются все приукрасить, чтобы правда не казалась страшной, опасной и отвратительной. Как будто бабушка и вовсе ничем не болела. Это просто несчастный случай. Но Эльса знает, что они врут, потому что бабушка никогда не была жертвой несчастного случая. Все несчастные случаи сами становились ее жертвами.

Эльса знала, что такое рак. Она посмотрела в «Википедии».

Эльса пихнула гроб, чтобы обратить на себя внимание. В глубине души она до сих пор надеялась, что бабушка, как обычно, просто решила ее разыграть. Как в тот раз, когда бабушка нарядила снеговика, – ни дать ни взять человек, только что упавший с балкона. Когда Бритт-Мари поняла, что это розыгрыш, она до того разозлилась, что даже позвонила в полицию. А на следующий день Бритт-Мари посмотрела в окно и увидела, что бабушка слепила нового снеговика, точно такого же, один в один, и тогда Бритт-Мари позеленела от злости и в два прыжка выскочила на улицу с лопатой для снега. И тут снеговик вдруг ожил и подпрыгнул с криком: «УУУУУУУУ!!!»

Потом бабушка рассказывала, что ей пришлось пролежать на снегу несколько часов в ожидании Бритт-Мари, и за это время на нее дважды писали коты. «И я об этом не пожалела!» – ликовала она.

Бритт-Мари, разумеется, сразу позвонила в полицию, но там ей сказали, что это не является нарушением общественного порядка. Бритт-Мари такую точку зрения не разделяла. Она назвала бабушку «хулиганкой».

Эльса надеялась, что и сейчас будет так.

Но бабушка не вставала. Эльса стучала кулаками в гроб, но бабушка не реагировала. Эльса стучала все сильнее, словно хотела вытрясти из гроба всю эту несущезицу и непоправимость. Наконец она соскользнула со стула и, упав на колени, стала шептать:

– Почему они все время врут и говорят, что ты «ушла от нас»? Что мы тебя «потеряли». И никто не говорит «она умерла».

Эльса впиалась ногтями в ладони и затряслась всем телом.

– Если ты умерла, то как я теперь попаду в Миамас?..

Бабушка молчала. Эльса прижалась лбом к гробу. Гладкое дерево холодило кожу, на губы стекали горячие слезы. Она почувствовала на затылке мягкие мамины руки, обернулась и обняла ее за шею. Мама унесла ее прочь.

Когда Эльса снова открыла глаза, она уже сидела в маминой «КИА». Мама стояла рядом с машиной и говорила по телефону с Джорджем. Понятное дело, она не хотела, чтобы Эльса слышала их разговор, потому что они обсуждали похороны. Но Эльса не дуручка.

В руках она так и держала бабушкино письмо. Она знала, что чужие письма читать нельзя, но за последние двое суток уже прочитала его раз сто. Естественно, бабушка догадывалась, что так и будет, поэтому написала письмо такими буквами, которые Эльса не понимала. Буквами с дорожного указателя на тех фотографиях.

Эльса обиженно тарасилась на письмо. Бабушка всегда говорила, что у них друг от друга не будет никаких тайн, только их общие от других. И теперь дико злилась на бабушку за эту ложь, потому что вот перед ней величайшая тайна, а она ни черта не может в ней разобраться. Эльса знала, что если не прекратит злиться, то побьет их последний рекорд, и это уже навсегда.

Эльса моргала, и чернила расплывались по бумаге. Хотя она и не понимала этих букв, но все равно чувствовала, что написано с ошибками: буквы будто бы накинаны в спешке, как попало, словно сама бабушка уже мысленно в другом месте. Не то чтобы бабушка была безграмотной, нет, просто она так быстро думала, что буквы за ней не поспевали. Разница между Эльсой и бабушкой в том, что бабушка не видит смысла в правописании. «Ты же все равно поймешь, что я имею в виду!» – шипит бабушка, когда сует Эльсе тайные записки во время семейного ужина, а Эльса достает красный маркер и поправляет ошибки. Это одна из постоянных причин их ссор, потому что Эльса считает, что буквы – это не просто способ донести сообщение, а нечто большее. Нечто более важное.

Точнее, доставала и поправляла. Теперь это в прошлом.

Во всем письме Эльса могла разобрать лишь одно слово. Только оно одно было написано обычными буквами, оно словно бы невольно вырвалось из всего письма. Так незаметно, что даже Эльса его пропустила, когда читала письмо первые несколько раз.

Она перечитывала его вновь и вновь, пока глаза не заморгали так, что читать стало трудно. Ногти впивались в ладони. Эльса чувствовала, что ее предали, у нее было десять тысяч причин, чтобы злиться, и наверняка еще десять тысяч, о которых она пока просто не знала. Она не сомневалась, что это слово в письме – неслучайное. Тщательно выведенное, чтобы Эльса его заметила.

Имя на конверте было такое же, как на почтовом ящике Монстра. А слово, которое удалось разобрать, – Миамас.

Бабушка обожала все, что связано с поисками сокровищ.

6. Моющее средство

На щеке у нее три царапины. Явно от когтей. Они наверняка будут допытываться, с чего все началось. Эльса бежала, вот с чего. Бегает она хорошо. Если к тебе часто пристают, ты, хочешь не хочешь, бегаешь хорошо.

Утром она наврала маме, что уроки сегодня начнутся на час раньше обычного. Когда та удивилась, Эльса достала козырь для «невнимательной матери». Этот козырь совсем как бабушкин «рено»: красотой не отличается, зато работает.

– Я тебе сто раз говорила, что по понедельникам мы начинаем на час раньше! И даже записку приносила из школы, но тебе теперь не до меня! – огрызнулась Эльса, глядя в сторону. И мама перестала ее пытаться. Пробормотала что-то о забывчивости беременных и покраснела. Лучший способ выбить маму из седла – внушить ей, что она на секунду потеряла контроль над ситуацией.

Это могут сделать только два человека на свете. А теперь только один. Для почти восьмилетнего ребенка это неисчерпаемые возможности.

Возле школы Эльса села в автобус и поехала обратно домой. По дороге она купила четыре пакета с конфетами «Дайм». В доме темно и пусто, так выглядит дом без бабушки. Кажется, он тоже по ней тоскует. Эльса спряталась от Бритт-Мари, которая с утра пораньше направлялась в сторону помойки с функцией сортировки мусора, хотя при этом в руках у нее никакого мусора не было. Бритт-Мари изучила содержимое помойных контейнеров на предмет нарушения сортировки, недовольно поджала губы, когда на глаза ей попало нечто заслуживающее отдельного обсуждения на встрече жильцов, и удалилась в сторону продуктового магазина, чтобы продолжить инспекцию тамошних товаров. Эльса прошмыгнула в подъезд и поднялась на два пролета вверх. Минут двадцать она стояла перед дверью с письмом в руках и тряслась от злости и ужаса. От злости на бабушку. И от ужаса перед Монстром. Вот с чего все началось.

Немного погодя Эльса бежала так, будто пятки касались раскаленного песка. И вот она с красной разодранной щекой сидит в маленьком кабинете и ждет маму. Эльса знает, что они будут допытываться, с чего все началось. Она ненавидит понедельники, вот с чего началось. С того, что сегодня понедельник.

Эльса крутила глобус, стоявший на столе у директора. Кажется, директору от этого было не по себе, и Эльса крутила глобус с удвоенным рвением.

– Эльса, может, хватит, – сказал директор, не прибавив в конце знака вопроса.

– Воздух общий, – ответила Эльса.

У директора аж ноздри раздулись от возмущения. Он показал на царапины на ее щеке.

– Ну что? Ты готова рассказать, с чего все началось?

Эльса не удостоила его ответом.

Все-таки бабушка ловко все придумала. В этом ей не откажешь. Конечно, Эльсу по-прежнему дико бесят эти идиотские поиски сокровищ, но как здорово она придумала оставить в письме слово «Миамас»! Потому что Эльса стояла у двери по меньшей мере сотню вечностей, пока не решилась нажать на звонок. А если бы бабушка не догадалась, что Эльса прочтет письмо, хотя чужие письма читать нельзя, и если бы она не написала «Миамас» обычными буквами, Эльса просто бросила бы письмо в почтовый ящик Монстра и убежала. Но она все-таки позвонила в дверь, чтобы потребовать у Монстра ответа на свои вопросы.

Потому что Миамас принадлежит только Эльсе и бабушке. И никому другому. При мысли о том, что бабушка брала с собой в Миамас какого-то дебильного уроды, Эльса приходила в такое бешенство, что никакие монстры ей были уже не страшны. Ну не то чтобы совсем не страшны, но бешенство слегка перевешивало.

В соседней квартире по-прежнему был Друг, но, когда Эльса позвонила в дверь Монстра, ничего не случилось. Она позвонила еще раз, а потом постучала так, что деревянная дверь затрещала. В конце концов Эльса заглянула в щель для почты, но внутри было темно. Никаких признаков жизни. Единственное, что можно разобрать, – это едкий запах моющего средства – такого ядреного, что запах пробивался сквозь слизистые оболочки и разъедал глаза.

И хоть бы один монстр, пусть самый маленький!

Эльса сняла ранец и достала четыре пакета с «Даймом». Развернула конфеты и через отверстие для почты скормила их Другу. На какое-то недолгое время существо замолчало. Эльса решила называть его «существом» до тех пор, пока не установит его биологическую принадлежность: что бы там ни говорила Бритт-Мари, Эльса была уверена: никакая это не собака. Таких больших собак не бывает.

– Перестань выть. А то Бритт-Мари вызовет полицию и они тебя убьют, – прошептала она в щель для почты.

Интересно, понимает ли существо ее слова? Оно молча поедало конфеты. Так делают все разумные существа, если им предлагают «Дайм».

– Если увидишь Монстра, передай, что у меня для него письмо, – сказала Эльса.

Существо ничего не ответило, однако из почтовой щели доносилось его теплое дыхание.

– Передай ему, что бабушка просит прощения, – прошептала Эльса.

Потом она убрала письмо в ранец, села в автобус и поехала в школу. В какой-то момент Эльсе показалось, что из окна автобуса она снова видит его. Того худощавого, который вчера отсвечивал возле похоронного бюро, пока мама разговаривала с женщиной-китом. На этот раз он стоял в тени возле дома на противоположной стороне улицы. Его лица не было видно за клубами табачного дыма, но какой-то животный, ледяной страх сжимал ей ребра.

Через мгновение мужчина исчез.

Поэтому она не смогла стать невидимой, когда подходила к школе. Делаться невидимкой – суперспособность, которую можно тренировать, и Эльса упражнялась в этом искусстве до одурения, но, если ты зол или напуган, суперспособность не действует. К школе она приближалась испуганная и злая. Она боялась мужчину, который появлялся ниоткуда и маячил в тени, и была зла на бабушку за то, что та отправляет письма монстру, и к тому же испытывала злость и страх перед ним самим: все нормальные мало-мальски воспитанные монстры живут в глубоких черных пещерах или на дне ледяных озер. Спрашивается, до какой степени монстру надо себя не уважать, чтобы жить в обычной квартире? К тому же приличные монстры почты не получают.

Кроме того, Эльса ненавидела понедельники, потому что ее преследователи за выходные успевали истоскаться по крови. По понедельникам записки на Эльсином шкафчике были особенно жестокие. Возможно, из-за этого она тоже не смогла стать невидимкой. По понедельникам это особенно трудно.

Эльса снова потрогала глобус. Дверь у нее за спиной открылась, директор с явным облегчением встал со стула.

– Здравствуйте! Извините за опоздание, жуткие пробки! – запыхавшись, сказала мама, и Эльса почувствовала ее мягкие руки у себя на затылке.

Эльса не обернулась. Она затылком чувствовала мамин телефон, потому что та никогда не выпускала его из рук. Как будто мама киборг, а телефон – часть ее органической ткани.

Эльса крутила глобус еще усерднее. Директор сел на свое место и, подавшись вперед, попытался невзначай отодвинуть глобус подальше от Эльсы. Он с надеждой смотрел на маму.

– Понятно. Ну что, подождем Эльсиного отца?

Директор любил, чтобы на беседе с родителями присутствовали отцы, ему казалось, будто до них проще донести суть дела. Мама была от вопроса директора отнюдь не в восторге.

– К сожалению, Эльсин отец в отъезде, он вернется только завтра, – сдержанно ответила она.

Директор был явно разочарован.

– Да-да, конечно, все в порядке, дело не настолько серьезное. Ни в коем случае не хотел вас волновать, особенно учитывая ваше положение...

Директор кивнул на мамин живот. Маме пришлось приложить большие усилия, чтобы продолжать владеть собой и не спросить, что он хочет этим сказать. Директор прокашлялся и отодвинул глобус чуть дальше от протянутой к нему Эльсиной руки. Похоже, он собирался призвать маму подумать о ребенке. Обычно люди призывают маму подумать о ребенке, когда опасаются, что она вот-вот выйдет из себя. «Подумайте о ребенке», – говорят они, имея в виду Эльсу. Но в данный момент имелось в виду Полукто.

Эльса потянулась ногой к мусорной корзине и пихнула ее. Директор беседовал с мамой, но Эльса их не слушала. Где-то в глубине души она надеялась, что сейчас в кабинет, размахивая кулаками, как боксеры в старых фильмах, ворвется бабушка. В прошлый раз директор позвонил только маме и папе, но бабушка все равно пришла. Она не из тех, кому нужно особое приглашение.

В тот раз Эльса тоже крутила глобус в кабинете директора. Мальчик, который поставил ей фингал, сидел рядом со своими родителями. Повернувшись к Эльсиному папе, директор сказал: «Ну, вы сами понимаете, это типично для мальчиков...» После этого ему потребовалось довольно много времени, чтобы объяснить Эльсиной бабушке, что именно в его представлении «типично для девочек», потому что бабушка просто так от него не отстала.

Директор пытался успокоить бабушку, призывая мальчика, поставившего фингал, осознать, что «девочек бьют только слабаки», но на бабушку это совсем не подействовало. «Слабак он не потому, что бил девчонку! – рычала она. – Он не такой идиот и прекрасно понимает, что бьет девчонку! Главное, что вообще бил, поэтому он идиот!» Тогда папа мальчика вышел из себя и стал орать на бабушку, что его сын не идиот, а бабушка в ответ пообещала, вернувшись домой, научить Эльсу «бить парней ногой по выключателю», а уж потом пусть сами подумают, «какого хрена им драться с девочками!». Тогда директор попросил всех немного успокоиться. И все ненадолго перестали орать. Но директор решил, что Эльса и мальчик должны пожать друг другу руки и попросить друг у друга прощения, и тогда бабушка вскочила со стула и завопила: «С какой стати Эльса должна просить у него прощения?!» Директор сказал, что Эльса должна взять часть вины на себя, потому что «спровоцировала» мальчика, отчасти его можно понять, ведь «ему было трудно сдержаться». В этот момент бабушка схватила глобус и замахнулась на директора, но в последнюю секунду мама успела схватить ее за руку, так что угол падения глобуса изменился и тот приземлился на компьютер и всего лишь разбил экран. «МЕНЯ СПРОВОЦИРОВАЛИ, И Я НЕ СДЕРЖАЛАСЬ!» – орала бабушка, когда мама выводила ее в коридор.

Когда бабушку провоцируют, с ней лучше не связываться. Иначе не поздоровится.

Поэтому Эльса всегда рвет записки, найденные в школьном шкафчике. Там написано, что она уродина. Противная. И что ее убьют. Эльса рвет записки на маленькие клочки, чтобы прочитать было невозможно, и кидает их понемногу в мусорные корзины по всей школе. Это акт милосердия по отношению к бабушке. И по отношению к тем, кто пишет эти записки. Потому что, если бабушка узнает, она их просто убьет.

Привстав, Эльса нагнулась вперед и толкнула глобус. Директор утратил дар речи. Эльса с довольным видом опустилась на стул.

– Господи, Эльса, что ты сделала со своей щекой?! – вскрикнула мама с восклицательным знаком в конце, когда увидела три царапины у нее на щеке.

Эльса молча пожала плечами. Мама перевела взгляд на директора. В глазах у нее загорелся недобрый огонь.

– Что у нее со щекой?

Директор поерзал на стуле.

– Э, так сказать... Давайте немного успокоимся. Подумайте, так сказать, о ребенке...

Говоря это, он кивнул не на Эльсу, а на маму. Эльса потянулась ногой к мусорной корзине и снова пнула ее. Вдохнув поглубже, мама закрыла глаза. Затем нагнулась и придвинула корзину ближе к письменному столу. Эльса обиженно посмотрела на нее, а затем сползла со стула так, что пришлось держаться за подлокотники, чтобы окончательно не упасть. Она вытянулась и почти – почти! – достала до корзины большим пальцем ноги. Мама вздохнула. Эльса вздохнула еще громче. Директор посмотрел сначала на них, потом на глобус. Придвинул его чуть ближе к себе.

– Послушайте... – начал он, вяло улыбаясь маме.

– У нашей семьи была очень тяжелая неделя, – извиняющимся голосом перебила его мама.

Как же Эльса это все ненавидит.

– Мы относимся к этому с полным пониманием, – сказал директор с совершенно непонимающим видом.

– Этого больше не повторится, – сказала мама.

Директор снова улыбнулся, нервно поглядывая на глобус.

– К сожалению, у Эльсы это не первый конфликт за время обучения в нашей школе.

– И не последний, – добавила Эльса.

– Эльса! – одернула ее мама.

– Мама!!! – одернула ее Эльса, прибавив еще два восклицательных знака в конце.

Мама вздохнула. Эльса вздохнула еще громче. Директор прокашлялся и взял глобус обеими руками.

– Н-да, так сказать, мы обсудили эту проблему на совете школы, поговорили с классным руководителем и решили, что Эльсе пойдет на пользу общение с психологом. Она научится выплескивать агрессию другими способами.

– С психологом? А это не чересчур? – засомневалась мама.

Директор протянул вперед руки, словно просил у мамы прощения, а может, чтобы сыграть на воображаемом тамбурине.

– Мы вовсе не считаем, что с Эльсой что-то не так! Во все нет! Огромное количество детей с особенными потребностями посещают психологов с большой пользой для себя. Здесь нет ничего постыдного!

Эльса наконец дотянулась до мусорной корзины и перевернула ее на пол.

– Сами идите к своему психологу, – сказала она директору.

– Эльса! – рявкнула мама.

– МАМА!!! – рявкнула Эльса еще громче.

На всякий случай директор переместил глобус на пол рядом с собой. Мама нагнулась к Эльсе, из последних сил владея собой и стараясь не кричать.

– Эльса, милая, если ты расскажешь мне и директору, с какими детьми ты все время ругаешься, мы поможем тебе решить конфликт, и больше это не повторится.

Эльса смотрела на нее, сжав губы в тонкую линию. Царапины на щеке прекратили кровоточить, но светились, как тонкие неоновые лампы. Как будто ей на лицо вот-вот приземлится крошечный космический корабль.

– У стукачей не бывает друзей, – сообщила она.

Мама смотрела на нее раскрыв рот.

– Черт... Господи... Эльса! Кто тебе такое сказал?

– Интернет, – ответила Эльса, сложив руки на груди.

– Эльса, будь добра... – начал директор с гримасой, которую следовало понимать как улыбку.

– Сами будьте добры, – ответила Эльса без тени улыбки.

Директор взглянул на маму:

– Мы, то есть школьный совет и я, полагаем, что иногда Эльса могла бы просто уйти, когда почувствует, что назревает конфликт...

Не дожидаясь маминого ответа, Эльса встала и взяла с пола ранец. Она знала, что мама не будет ее защищать.

– Можно идти?

Тогда директор велел ей подождать в коридоре. С явным облегчением Эльса вышла из кабинета, а мама осталась просить прощения. Как же все это осточертело!

Она сбежала, в том-то и дело. Но директору такое говорить незачем. И вообще никому, потому что без толку. Единственное, что важно, – попасть домой, чтобы этот понедельник поскорее закончился.

Был последний урок перед обедом, и учитель – светлая голова – задал на зимние каникулы подготовить доклад на тему «Мой любимый литературный герой». Надо будет нарядиться этим героем и рассказать о нем от первого лица. Все тянули руку и по очереди выбирали себе героя, и учитель сначала заносил героя в список, а потом давал записку с его именем ученику. Разумеется, Эльсе хотелось быть Гарри Поттером, но его уже выбрал кто-то другой. Поэтому, когда очередь дошла до нее, она сказала: «Человек-паук». Мальчик, сидевший за ней, расстроился, потому что тоже хотел быть Человеком-пауком. И пошло-поехало.

– Ты не можешь быть Человеком-пауком! – крикнул мальчик.

– Извиняюсь, но я уже он! – ответила Эльса.

– Вот и извиняйся, – сказал мальчик.

– No problem! – фыркнула Эльса. Это было ее любимое английское выражение.

Тогда мальчик закричал, что Эльса не может быть Человеком-пауком, потому что «только мальчик может быть Человеком-пауком!»! Тогда Эльса сказала, что он может быть девушкой Человека-паука.

Мальчишка толкнул Эльсу на батарею, а Эльса ударила его книгой.

И пусть скажет спасибо, никогда он не был так близок к литературе. Но тут прибежал учитель и стал их разнимать. Он сказал, что Человеком-пауком не будет никто, это герой фильма, а не литературный герой. Тогда Эльса вышла из себя чуть больше, чем это вообще возможно, и спросила учителя, слышал ли он об издательстве «Марвел». Оказалось, не слышал. «И эти люди работают в школе?» – воскликнула она в шоке. После уроков ей пришлось остаться для «разговора с учителем», хотя что это за разговор, когда говорит только один собеседник.

Эльса знает, она не такая, как все. Да-да, поэтому у нее нет друзей. Но ненавидят ее по другой причине, в школе много не таких, как все. В каждом классе как минимум два-три человека. Дело в том, что Эльса никогда не сдается. Вот за что ее ненавидят. Они понимают, что если не такие, как все, последуют ее примеру, то смогут устроить революцию. Поэтому остальные будут травить Эльсу до тех пор, пока она не даст задний ход. Пока не перестанет считать себя супергероем.

Парень со своими друзьями поджидал ее за дверями. Суперспособность не сработала, потому что Эльса была зла. Тогда она натянула лямки ранца так, чтобы они обхватили ее, как маленькая коала, и бросилась бежать.

Бегала она хорошо. Все изгои прекрасно бегают. Один из мальчишек крикнул: «Хватайте ее!» – и за спиной раздался топот ног по заледеневшему асфальту. Послышалось их жадное дыхание. Она бежала так быстро, что коленки подскакивали до самых ребер.

Если бы не ранец, она бы успела перепрыгнуть забор и выбежать на улицу, тогда бы они ее не поймали. Но один из мальчишек схватил ее за ранец. Эльса могла бы выскользнуть и убежать, оставив его мальчишке.

Но в ранце лежало бабушкино письмо Монстру! Поэтому она обернулась и стала драться.

Как обычно, она закрыла лицо, чтобы мама не расстраивалась из-за ссадин и синяков. Но про ранец тоже не следовало забывать. Выбора не было. «Если можешь, выбирай битву сама! Но если битва тебя уже выбрала, бей врага по выключателю!» – любила повторять бабушка. И Эльса воспользовалась ее советом. Она неплохо дерется, хотя ненавидит насилие. Пришлось научиться. Поэтому они всегда нападают стаей.

Прошла, по крайней мере, вечность десяти тысяч сказок, прежде чем мама вышла из кабинета директора. Они молча шли по опустевшему школьному двору. Эльса села на заднее сиденье маминой «КИА», прижав к себе ранец. Мама выглядела очень несчастной.

– Эльса, пожалуйста...

– Пф! Он сам начал! Он сказал, что девочка не может быть Человеком-пауком!

– Да, но почему обязательно надо драться?

– Потому!

– Эльса, ты уже не глупенькая малышка. Ты все время просишь меня обращаться с тобой как со взрослым человеком. Поэтому прекрати отвечать как ребенок. Почему ты дерешься?

Эльса ковыряла резиновую прокладку в двери.

– Надоело убегать.

Обернувшись, мама попыталась нежно погладить раненую щеку, но Эльса отодвинулась. Мама вздохнула.

– Я уже не знаю, что делать, – сказала мама со слезами в голосе.

– Вот и не делай ничего, – пробормотала Эльса.

Мама дала задний ход и выехала с парковки. В машине выросла такая прочная стена молчания, какую только мать и дочь способны между собой воздвигнуть.

– А к психологу нам и правда стоит сходить, – сказала наконец мама.

Эльса пожала плечами.

– Whatever.

Это ее второе любимое английское слово. Мама не спрашивает, откуда она его знает.

– Я... Эльса, милая, я понимаю, что... тебе тяжело из-за бабушки. Смерть – это всегда тяжело.

– Ничего ты не понимаешь! – перебила ее Эльса. Она натянула резиновую прокладку со всей силы и отпустила ее так, что она шлепнула по стеклу.

Мама нервно сглотнула.

– Мне тоже тяжело. Не забывай, что это моя мама, а не только твоя бабушка.

Вне себя от ярости Эльса повернулась к маме:

– Не надо врать. Ты ее ненавидела.

– Как ты можешь так говорить. Это же моя мать.

– Вы все время ругались! Ты только рада была, что она умерла!!!

Эльса сразу же пожалела о сказанном. Но было поздно. Бездонное молчание висело в воздухе, и Эльса ковыряла резинку до тех пор, пока та не поддалась. Мама это видела, но молчала. Они остановились на красный свет, мама закрыла глаза руками и покорно покачала головой.

– Я стараюсь, Эльса, если бы ты знала, как я стараюсь. Я знаю, что я плохая мать, я мало времени провожу дома, но я правда стараюсь...

Эльса молчала. Мама массировала виски.

– Давай все-таки сходим к психологу.

– Можешь сходить.

– Да. Наверное, мне не помешает.

– Это точно!

– Почему ты такая злая?

– Это ты злая!

– Милая, я очень скорблю по бабушке, но мы должны...

– Ты все врешь!

И тут случилось нечто из ряда вон выходящее. Мама, наконец, перестала владеть собой и заорала:

– НЕ ВРУ! ПОЙМИ ТЫ, В КОНЦЕ КОНЦОВ, ЗАСРАНКА ЧЕРТОВА, ЧТО НЕ ТОЛЬКО ТЫ УМЕЕШЬ СТРАДАТЬ!

Мама и Эльса посмотрели друг другу в глаза. Мама прикрыла рот рукой.

– Эльса... милая... я...

Эльса помотала головой и одним рывком выдрала резиновую прокладку из двери. Она выиграла. Когда мама теряет контроль, Эльса всегда выигрывает.

– Давай успокоимся. Не стоит так кричать, – сказала она. И добавила, даже не глядя на маму: – Подумай о ребенке.

7. Кожа

Бабушку можно любить на протяжении долгих лет, даже не зная о ней ровным счетом ничего.

Впервые Эльса встретила Монстра во вторник. По вторникам в школе уже немного лучше, чем по понедельникам. Сегодня Эльса отделалась одним фингалом, а фингалы можно списывать на футбол.

Эльса сидела в папином «ауди». Так зовут папин автомобиль. С бабушкиным «рено» у него ничего общего. Обычно папа забирает Эльсу из школы каждую вторую пятницу, тогда она остается у них с Лизеттой и Лизеттинными детьми. В остальные дни ее забирала бабушка, а теперь это приходится делать маме. Но сегодня мама с Джорджем пошли к врачу, проверить, как там Полукто, поэтому, несмотря на вторник, за Эльсой приехал папа.

Бабушка всегда приходила вовремя и стояла у школьных ворот. Папа опоздал и ждал в своем «ауди» на парковке.

– Что у тебя с глазом? – неуверенно спросил он.

Сегодня утром папа вернулся из Испании, он был там с Лизеттой и ее детьми. Совсем не загорелый, потому что не умеет отдыхать.

– В футбол играли, – ответила Эльса.

С бабушкой отговорка про футбол не работала. Но папа – не бабушка. Он неуверенно кивнул и вежливо попросил Эльсу пристегнуть ремень. Он всегда так делает. Неуверенно кивает в ответ. Папа вообще человек неуверенный. Мама – перфекционист, а папа – педант, поэтому их брак развалился, к такому выводу пришла Эльса. Перфекционист и педант – очень разные люди. Когда мама с папой убирали в квартире, мама по минутам расписывала порядок уборки в «Экселе», а папа счищал известковый налет с кофеварки два с половиной часа. «Ну как можно жить с таким человеком?» – возмущалась мама. Учителя в школе все время говорят, что Эльсина проблема – неумение сосредоточиться. Вот странно, думает Эльса, папина проблема как раз в том, что он, наоборот, сосредоточивается слишком сильно.

– Чем бы тебе сегодня хотелось заняться? – спросил папа, как-то неуверенно дотронувшись до руля.

И так всегда. Он спрашивает у Эльсы, чем бы хотелось заняться ей. Потому что сам очень редко чего-то хочет. А уж тем более по вторникам. Эльса остается у него по выходным раз в две недели, потому что с тех пор, как папа съехал с Лизеттой и ее детьми, он сказал, что для Эльсы у них в квартире «слишком шумно». Услышав об этом, бабушка позвонила папе и за минуту разговора раз десять назвала его полным придурком. Это был абсолютный рекорд, даже для бабушки. Повесив трубку, она обернулась к Эльсе и буквально выплюнула: «Лизетта! До чего идиотское имя, а?» Эльса знала, что бабушка ничего плохого в виду не имела, Лизетта

всем нравилась, у нее была такая же суперспособность, как у Джорджа. Но бабушка, она такая, с ней можно в разведку пойти, за это Эльса ее очень любила. А потом они ели мороженое в «Баскин Роббинс». Эльсе их всех троих так не хватает.

Баскина, Роббинса и бабушки.

Забирая Эльсу из школы, папа всегда опаздывает. Бабушка не опаздывала никогда. Эльса старается запомнить слово «ирония», потому что оно очень подходит ко всей этой ситуации: папа никогда никуда не опаздывает, кроме школы, а бабушка опаздывала всегда и везде, за исключением школы. Наверное, потому, что знала: когда тебе почти восемь, мир полон преследователей.

Папа снова дотронулся до руля.

– Ну что, куда ты хочешь поехать?

Эльса немного удивилась. Папа спросил так, будто они действительно могут куда-то поехать. Он поерзал на сиденье.

– Я подумал, вдруг ты хочешь куда-то поехать... Эльса знала, что папа говорит так из вежливости.

Не любит он никуда ездить, не такой он человек. Эльса посмотрела на папу. Папа посмотрел на руль.

– Домой, наверное, куда же еще, – ответила она.

Папа кивнул, на лице его были написаны разочарование и облегчение одновременно, во всем мире только один папа на такое способен. Он отвез Эльсу домой. Папа никогда ни в чем не отказывает Эльсе, хотя иногда ей бы очень этого хотелось.

– «Ауди» – прекрасная марка, – сказала Эльса, после того как они полпути проехали молча.

Она погладила «ауди» по бардачку, как будто это была кошка. Новые машины обычно пахнут мягкой кожей, а этот запах очень не похож на запах старой потрескавшейся кожи, как пахнут диваны в бабушкиной квартире. Эльсе нравятся оба запаха, хотя кожа не нравится – лучше бы она оставалась на своих законных владельцах, а не на обивке автомобильных сидений. Непростой это вопрос. Есть здесь некоторое лицемерие. Но Эльса над этим работает.

– Да, «ауди» своих денег стоит, – оживился папа.

Прошлый папин автомобиль тоже звали «ауди».

Папа ценит стабильность. Раз в году в продуктовом магазинчике рядом с домом папы и Лизетты полностью меняют дизайн. В такие моменты Эльсе приходится проводить с папой тест из рекламы по телевизору, чтобы исключить подозрение на инсульт.

Папа проводил ее от машины до подъезда. У дверей в темноте, словно маленький злобный домовой, наготове стояла Бритт-Мари. Эльса подумала, что это плохая примета: если встретишь Бритт-Мари, быть беде. «Эта старуха – как письмо из налоговой», – говорила бабушка. Похоже, папа был с ней согласен, Бритт-Мари – то небольшое, в чем они были абсолютно единодушны.

– Здравствуйте, – неуверенно сказал папа.

– Здравствуйте, – поздоровалась Эльса.

– Здравствуйте-здравствуйте, – ответила Бритт-Мари, выплывая из темноты. Она дважды прерывисто вздохнула, словно затягивалась невидимой сигаретой.

Сделав над собой небольшое усилие, Бритт-Мари благожелательно улыбнулась. В руках у нее была газета с кроссвордами. Бритт-Мари обожает кроссворды, ведь там есть четкие правила. Буквы в клеточках написаны карандашом. Бабушка говорила, что Бритт-Мари из тех, кому потребуется выпить пару бокалов вина, прежде чем как следует распоясаться и заполнить кроссворд ручкой.

Бритт-Мари с раздражением взмахнула газетой перед носом у Эльсы.

– Не знаете, чье это? – спросила она, тыча пальцем в детскую коляску, пристегнутую к перилам рядом с доской объявлений.

Эльса видела коляску впервые. Странно, в их доме нет маленьких детей, разве что Полу-кто, но оно пока еще не родилось и передвигается вместе с мамой. Кажется, Бритт-Мари не готова была отнестись к ситуации философски.

– В многоквартирных домах запрещено держать коляски на лестнице! Это пожароопасно! – возвестила она, воздев руки, так что газета с кроссвордами упала на пол, словно негодное для сражения оружие.

– Точно. Об этом написано в объявлении, – любезно согласилась Эльса, кивнув на аккуратное объявление, висевшее прямо над коляской: «Не ставить коляски. Пожароопасно».

– Вот и я о том же! – сказала Бритт-Мари, немного повысив голос. Но все же благожелательно.

– Не понимаю, – сказал папа так, как будто действительно не понимал.

– Я спрашиваю, не вы ли повесили это объявление? Вот что меня интересует! – сказала Бритт-Мари, шагнув сначала вперед, а потом назад, как бы подчеркивая этим серьезность своих слов.

– Разве с объявлением что-то не так? – спросила Эльса.

Прежде чем ответить на этот вопрос, Бритт-Мари дважды вздохнула:

– С объявлением все в порядке, все в полном порядке. Но в нашем кондоминиуме не принято развешивать объявления, не согласовав с другими жильцами!

– У нас не кондоминиум, – возразила Эльса.

– Но он у нас *будет*! – рявкнула Бритт-Мари, брызнув слюной на слове «будет».

Впрочем, она тотчас взяла себя в руки и снова благожелательно посмотрела на Эльсу:

– За информационное обеспечение у нас в правлении отвечаю я. Так вот, у нас не принято развешивать объявления, не поставив в известность ответственного за информацию!

Ее прервал внезапный собачий лай – такой громкий, что задрожали стекла в подъезде.

Бритт-Мари и папа вздрогнули от неожиданности. Эльса нервно поежилась. Вчера она слышала, как мама рассказывает Джорджу, что Бритт-Мари звонила в полицию и требовала усыпить Друга. Похоже, сейчас он услышал ее голос. Правильно бабушка говорила, что, услышав Бритт-Мари, Друг уже ни секунды не может сдержаться.

У Бритт-Мари сделались глаза в кучку, а ее натянутая благожелательная улыбка натянулась еще больше.

– Я уже проинформировала полицию насчет этой ужасной бойцовой собаки! – сообщила она папе.

Папа немного нервничал. Он всегда нервничает, когда речь идет об ужасных бойцовых собаках. Эльса, кашлянув, попыталась сменить тему.

– Может, вас не было дома? – спросила она Бритт-Мари, кивая на объявление.

Кажется, сработало. По крайней мере, ненадолго. Бритт-Мари забыла свое возмущение по поводу бойцовой собаки. Теперь ее мишенью стало незаконно повешенное объявление. Главное в этом деле – всегда иметь под рукой подходящий объект для возмущения.

– Уж и отлучиться на минутку нельзя! Раз человека нет дома, значит, можно тайно развешивать объявления? Люди вы или гангстеры, в конце концов! – выпалила Бритт-Мари, а Эльса очередной раз не могла понять, вопрос это или просто размышления вслух.

Эльса снова кивнула. Наверное, стоит сказать Бритт-Мари, чтобы она повесила объявление о том, что, если кто-то захочет повесить объявление, пусть сначала спросит об этом соседей. Например, при помощи объявления. Вот это, думала Эльса, будет настоящая ирония. Но посмотрев на Бритт-Мари, Эльса поняла, что этого делать не стоит: вдруг она пойдет по квартирам собирать подписи в поддержку запрета детей?

Из квартиры сверху снова слышался лай. Бритт-Мари поджала губы.

– Звонила я в эту полицию, да! А толку ноль! Говорят, подождем до завтра, может, хозяин появится!

Папа молчал, и Бритт-Мари расценила это молчание как глубокий интерес к теме.

– Кент звонил в эту квартиру много раз, но, похоже, там никто не живет! Такое впечатление, что это чудовище проводит свои дни в одиночестве! Можете себе представить? – тараторила Бритт-Мари, призывая папу разделить ее возмущение.

Папа неуверенно улыбнулся. Потому что мысль о бойцовых собаках, живущих в одиночестве, вызвала у него неуверенность.

– Какая наглость! – кипятилась Бритт-Мари.

Эльса затаила дыхание. Но лай прекратился. Словно Другу наконец удалось овладеть собой.

Дверь у папы за спиной отворилась, и в подъезд вошла женщина в черной юбке. Ее каблуки гулко стучали об пол, она говорила в белый проводок, который вел к воткнутому в ухо наушнику.

– Здравствуйте, – поздоровалась Эльса, чтобы отвлечь Бритт-Мари от лая, который мог раздаться в любую минуту.

– Здравствуйте, – сказал папа, потому что он человек вежливый.

– Здравствуйте-здоровствуйте, – сказала Бритт-Мари таким тоном, будто перед ней был потенциальный расклейщик незаконных объявлений.

Женщина в черной юбке не ответила. Она заговорила в микрофон еще громче, недовольно глядя на всех троих, и ушла вверх по лестнице.

В подъезде воцарилась напряженная тишина. Папа не знал, как вести себя в таких случаях. Напряженная тишина для папы – это как криптонит для Супермена.

– Гельветика, – пробормотал он, прокашлявшись.

– Что? – спросила Бритт-Мари, поджав губы.

– Гельветика. Шрифт такой, – испуганно выдавил из себя папа, показывая на объявление. Бритт-Мари посмотрела на объявление. Потом на папу.

– Неплохой... шрифт, – добавил папа.

Папа таким вещам придавал большое значение. Однажды, когда мама должна была пойти в школу на родительское собрание, папа в последний момент позвонил и сказал, что не сможет к ней присоединиться, потому что на работе непредвиденные дела. Тогда мама в наказание записала его художником-добровольцем, который должен нарисовать афиши для школьной ярмарки. Узнав об этом, папа испытал сильнейший прилив неуверенности в себе. Ему потребовалось три недели, чтобы решить, какой шрифт он будет использовать, а когда афиши наконец были готовы и папа принес их в школу, Эльсин учитель отказался их вешать, потому что ярмарка уже кончилась. Папа, кажется, так до конца и не понял, как связаны между собой эти два факта.

Примерно как сейчас Бритт-Мари не понимала, какое отношение шрифт Гельветика имеет к чему бы то ни было. Папа смотрел в пол и покашливал.

– У тебя есть... ключи? – спросил он Эльсу.

Эльса кивнула. Они обнялись на прощание. Папа с облегчением на лице закрыл за собой дверь в подъезд, а Эльса поспешила вверх по лестнице, пока Бритт-Мари не вздумалось продолжить разговор. Возле двери Друга она на секунду замешкалась и, оглянувшись, чтобы убедиться, что Бритт-Мари за ней не следит, открыла крышку отверстия для почты и прошептала: «Пожалуйста, не лай!» Эльса знала, что Друг ее понял. Главное, чтобы он воспринял это всерьез.

Последний лестничный пролет она преодолела бегом с ключами наготове, но пошла не к маме с Джорджем, а к бабушке. Она ворвалась в квартиру и запрыгнула в большой шкаф. В коридоре стояли коробки для переезда, на кухне – ведро. Но Эльса старалась об этом не думать. Ничего не получалось. Вокруг сгущалась темнота, никто не узнает, что она плакала.

Шкаф был не простой, а волшебный. Обычно Эльса укладывалась на дно, дотрагиваясь пальцами ног до одной стены, а руками до другой. Сколько бы она ни росла, шкаф всегда был ей впору. Бабушка, разумеется, говорила, что это «чушь собачья, дурацкие фантазии, этот шкаф всегда был одинаковым». Но Эльса-то знает, она ведь его измеряла.

И вот Эльса легла на дно. Потрогала пальцами ног и рук противоположные стенки. Еще несколько месяцев, и ей не надо будет так тянуться. А через год она вообще здесь не поместится. Потому что шкаф потерял свою волшебную силу.

Эльса слышала приглушенные голоса Мод и Леннарта. Чувствовала запах кофе. Леннарт говорит «напиток для взрослых» – значит, Саманта тоже с ними. Эльса поняла это еще до того, как из гостиной послышался топот бишон фризе и похрапывание из-под журнального столика. Мод и Леннарт должны были убрать бабушкину квартиру и упаковать вещи. Мама попросила их помочь, за это Эльса ее ненавидит. За это она ненавидит их всех.

Вскоре до нее донесся голос Бритт-Мари. Она словно преследует Мод и Леннарта. Бритт-Мари очень зла. Хотелось бы ей знать, кто повесил на лестнице объявление, совсем совесть потеряли. И кто рядом с этим объявлением пристегнул к перилам коляску. Вот до чего люди дошли.

Хорошо хоть она про Друга больше не вспоминает.

Вот уже час как Эльса лежала в шкафу. К ней заполз мальчик с синдромом. В дверную щель Эльса видела, как его мама моет полы, а Мод осторожно ходит за ней и подбирает все, что упало в ходе уборки.

Слышала, как Бритт-Мари на лестнице пытается хоть единой живой душой втолковать, что коляска на лестнице представляет угрозу для жизни. Например, для жизни ребенка. Подумайте хотя бы о детях!

Леннарт поставил рядом со шкафом большую тарелку с мечтами. Открыв шкаф, Эльса взяла тарелку и снова закрыла дверцу. Они вместе с мальчиком ели печенье в полной тишине. Мальчик, как обычно, молчал. За это Эльса его и любит.

На кухне раздался голос Джорджа, приветливый и ободряющий. Кто хочет яичницу? Он мог бы приготовить на всех. Джорджа все любят, это его суперспособность. За это Эльса его ненавидит. Ничто так не раздражает, как человек, который в своей безупречной любезности не дает тебе повода назвать его придурком. Затем Эльса услышала мамин голос, на мгновение ей захотелось выбежать из шкафа и броситься к ней в объятия. Но она удержалась: пусть помучается. Эльса знала, что выиграла, но ей хотелось, чтобы и мама это поняла. Пусть ей будет также больно, оттого что бабушка умерла.

Мальчик с синдромом заснул. Его мама осторожно открыла дверцу, заползла в шкаф и взяла мальчика на руки. Как будто почувствовала, что он заснул. Наверное, в этом ее суперспособность.

Немного погодя в шкаф заглянула Мод, она аккуратно собрала вещи, выпавшие из карманов мамы мальчика.

– Спасибо за печенье, – шепнула Эльса.

Мод погладила ее по щеке и сразу сделалась такая грустная из-за Эльсы, что Эльсе стало грустно из-за Мод.

Эльса лежала в шкафу до тех пор, пока не кончилась уборка и сбор коробок. Все разошлись по своим квартирам. Эльса знала, что мама с Джорджем сидят в коридоре и ждут ее,

поэтому вышла на лестницу и уселась на широком подоконнике. Пусть мама подождет как следует.

Эльса сидела так, пока лампы не погасли. Потом раздался стук и вопль: «Выключи воду!» Ну да, это пьянчуга с первого этажа стучит рожком для обуви по перилам и орет, что нельзя мыться по ночам. Все как обычно, пьянчуга этот номер повторяет несколько раз в неделю.

Эльса не отвечала. Соседи не реагировали. Пьяницы устроены так же, как монстры: если на них не обращать внимания, они исчезают.

В разгар очередной пламенной речи о нецелесообразном расходовании воды послышался грохот: это пьянчугина задница треснулась о ступеньку, а лоб получил щелбана от рожка для обуви. Некоторое время продолжалась перепалка с негодным рожком, словно два приятеля не могли поделить деньги. Наконец стало тихо. И тут зазвучала песня. Единственная песня в репертуаре пьянчуги. Эльса сидела в темноте, обняв себя, и покачивалась, как будто это колыбельная для нее. Песня оборвалась шиканьем пьянчуги – не то на рожок, не то на самого себя, – и щелчком захлопнувшейся двери.

Эльса прикрыла глаза. Она изо всех сил старалась увидеть облаконя и поле на краю Просонья, но ничего не получалось. Теперь туда не попасть. Без бабушки вход закрыт. Открыв глаза, она смотрела на безутешные снежинки, которые прилипали к стеклу, будто мокрые варежки.

И тут впервые увидела Монстра.

На дворе стояла зимняя ночь, такая густая и темная, словно весь их район окатили из ведра черной краской. Выйдя из подъезда, Монстр миновал полукруг света, падавшего от фонаря возле двери, так быстро, что Эльса крепко зажмурилась, чтобы проверить, не померещилось ли. Нет, теперь она была точно уверена. Одним прыжком она слетела с подоконника и помчалась вниз босиком, в одних колготках.

Эльса знала, что это он, хотя видела Монстра впервые. Таких огромных людей она никогда не встречала. Монстр пробирался по снегу, как зверь. Как сказочное чудовище. Эльса знала, что это дело опасное и к тому же довольно мутное, но все равно мчалась по лестнице, перепрыгивая через три ступеньки. А может быть, именно это давало ей силы. Споткнувшись на последнем пролете, Эльса покатила вниз и ударилась подбородком о дверную ручку. Боль отдавалась во всей голове, но Эльса все равно навалилась на дверь и, запыхавшись, пошла по снегу прямо в колготках.

– У меня для тебя письмо! – крикнула она в темноту.

В горле застрял ком. Только бы увидеть его. Только бы узнать, с кем бабушка делила Миамас, скрывая это от Эльсы.

Никакого ответа. Из мрака донесся легкий топот – какая мягкая поступь у этого великана. Шаги удалялись. По идее Эльса должна была быть перепугана насмерть, Монстр мог сделать с ней что угодно. Он мог прихлопнуть ее одним движением. Но Эльса была слишком зла, чтобы бояться.

– Бабушка просит прощения! – завопила она.

Вокруг не было ни души. Но и снег не хрустел. Наверное, Монстр остановился.

Не задумываясь, Эльса устремилась вперед – туда, где только что раздавались шаги. Она ощутила движение воздуха – это метнулись полы его куртки. Он побежал, Эльса, спотыкаясь в снегу, бросилась за ним и ухватила за штанину. Когда она упала навзничь прямо в снег, то увидела, как он стоит и смотрит на нее сверху вниз в свете последнего фонаря на улице. Слезы замерзли у нее на щеках.

Монстр был явно больше двух метров. Огромный как дерево. На лоб свисал толстый капюшон, черные волосы падали на плечи. Лица было почти не видно в густых, как шерсть,

зарослях бороды, а из тени капюшона на глаз напалзал ужасный шрам – будто кожа в этом месте расплавилась. Эльса почувствовала, как его взгляд проник в самую глубину ее существа и потек вместе с кровью по венам.

– Пусти!

Над Эльсой сгустился мрак.

– Бабушка просит прощения! – выдохнула Эльса, протягивая конверт.

Монстр его не взял. Эльса отпустила штанину, опасаясь пинка. Но Монстр лишь слегка попятился. В следующий миг он издал рычание, напоминающее слова. Он словно бы обращался к самому себе:

– Пррррочь, глупая девчонка...

Слова пульсировали в барабанных перепонках. С ними было что-то не так. Она понимала их, но слова застревали в слуховом проходе и свербели, словно не могли протиснуться дальше.

Монстр отвернулся – резко и злобно. И в следующий миг исчез. Как будто ушел в люк, открывшийся в темноте.

Лежа в снегу, Эльса ловила ртом воздух, а холод давил на грудь ледяной ногой. Она вскочила, разбежалась, скомкала конверт и кинула его в темноту вслед Монстру.

Трудно сказать, сколько вечностей пролетело, прежде чем Эльса услышала, как за спиной у нее открывается дверь в подъезд. Послышались мамины шаги, ее голос. Закрыв глаза, Эльса бросилась к ней в объятия.

– Что ты здесь делаешь? – в ужасе спросила мама.

Эльса молчала. Мама нежно взяла ее лицо в руки.

– Откуда у тебя синяк?

– Футбол, – прошептала Эльса.

– Ты врешь, – прошептала мама.

Эльса кивнула. Мама крепко держала ее. Эльса рыдала, уткнувшись ей в живот.

– Мне плохо без бабушки...

Мама села на корточки и прижалась лбом к ее лбу:

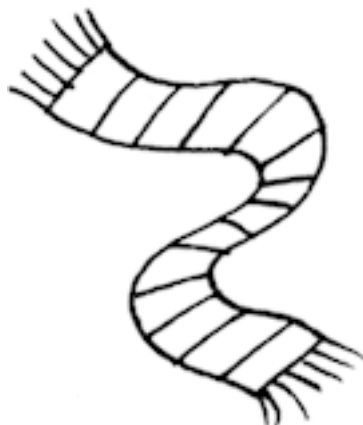
– Мне тоже.

Они не слышали, как в темноте к ним подошел Монстр. Не видели, как он подобрал скомканное письмо. Но в конце концов, крепко прижавшись к маме, Эльса поняла, что было не так со словами Монстра.

Он говорил на тайном языке, который знали только Эльса и бабушка.

Можно любить свою бабушку на протяжении долгих лет, не зная о ней ровным счетом ничего.

8. Резина

Сегодня среда. Эльсе снова пришлось бежать.

Почему – на этот раз ей было неизвестно. Возможно, потому, что на носу были рождественские каникулы, и ее преследователи, понимая, что теперь надолго останутся без жертвы, решили напоследок отвести душу. Наверняка Эльса не знала. Со светлыми головами не поймешь, какой у них провоцирующий фактор. Может, вообще никакого. Те, кого никогда не травили, всегда думают, что непременно должен быть повод. «Неужели к тебе пристают ни с того ни с сего? Наверняка ты их чем-то провоцируешь!» Но травля устроена иначе. И Эльсу изводят только потому, что она находится рядом в данный момент времени, вот и все. Сам факт ее существования и есть провокация, этого достаточно.

Тем, кого никогда не травили, это объяснять бесполезно. Все равно что объяснять светлым головам, которые думают, будто заячьи лапки приносят удачу, потому что если бы лапки действительно приносили удачу, то оставались бы у зайцев.

И незачем искать виноватых. Дело не в том, что папа сегодня немного опоздал, просто уроки закончились раньше. А быть невидимкой довольно сложно, если преследование начинается прямо в школе.

Поэтому Эльса побежала. Бегает она хорошо.

– Хватай ее! – закричала девчонка у нее за спиной.

Сегодня все началось с шарфа. По крайней мере, так поняла Эльса. Она уже разбирается, кто в школе и как ее травит. Одни пристают только к слабым. Другим нравится просто гоняться за жертвой, они даже не бьют ее, когда догонят, им достаточно страха в ее глазах. Есть и такие, как тот мальчишка, который дрался с Эльсой за то, чтобы быть Человеком-пауком: этот изводит ее из принципа, не выносит, когда с ним спорят. Особенно не такие как все.

Другое дело эта девчонка. Ей как раз нужен повод, чтобы оправдать травлю. «Хочет почувствовать себя героем», – холодно и ясно рассуждала Эльса, подбегая к забору. Сердце колотилось, будто стенобитная машина, а горло горело, как в тот раз, когда бабушка приготовила смузи из перчика халапеньо.

Все-таки, пожалуй, дело в шарфе. Хотя что в нем такого, чтобы привести в ярость светлые головы, даже самых прозрачные? Но останавливаться и уточнять вряд ли имело смысл. Азарт за спиной нарастал, лед вибрировал под множеством резиновых подошв, топот приближался, они все ближе. Для травли нужен не только повод, но и компания. В одиночку этим заниматься не стоит – во всяком случае, у них в школе.

Эльса прыгнула через забор, ранец со всей дури ударился о затылок, и на несколько секунд у нее потемнело в глазах. Обеими руками она натянула ремни, так чтобы ранец как следует прилегал к спине, посмотрела влево, на парковку, где в любой момент могла показаться папина «ауди». Девчонка сзади заорала, точно разъяренный орк, – как кричат орки, Эльса знает, не зря мама настрого запретила бабушке показывать Эльсе «Властелина колец». Плохой знак. Тогда Эльса посмотрела направо: там был склон, а внизу большая улица. Мимо, словно армия кровожадных завоевателей, идущая на штурм вражеской крепости, грохотали грузовики, но в просветах между ними, на другой стороне улицы, мелькал вход в парк.

Торчковый парк – так его называют в школе, потому что в парке полно торчков, которые, вооружившись героиновыми шприцами, охотятся на детей. Эльса до смерти боится туда ходить, как и каждый нормальный почти восьмилетний ребенок, если он, конечно, не совсем уже засвеченная голова. Там всегда темень, тем более в такой зимний день, когда солнце, похоже, вообще не вставало.

До большой перемены Эльса справлялась как могла, но даже самые крутые невидимки не в состоянии быть невидимыми в столовой во время большой перемены. Та девчонка возникла перед ней будто из-под земли, Эльса вздрогнула и нечаянно плеснула салатной заправкой на шарф Гриффиндора. «Я кому говорила, хорош носить этот сраный шарфик!» – рывкнула девчонка. Эльса посмотрела на нее с недоумением, какого заслуживает человек, назвавший шарф Гриффиндора «сраным шарфиком». Примерно так посмотрели бы на человека, который, глядя на лошадь, воскликнул бы: «Трактор!» Когда шарф впервые привлек внимание девчонки, Эльса подумала, что та просто-напросто из Слизерина. И только после того, как девчонка ударила ее по лицу, разорвала шарф и бросила в унитаз, Эльса поняла, что та вообще не читала «Гарри Поттера». Слышала, конечно, кто это, но книг не читала. Не знала даже таких элементарных вещей, как эмблема Гриффиндора. Эльса не сноб, совсем нет, но как вообще принимать такого человека всерьез? А?

Магл – вот она кто.

Так вот, когда девчонка возникла у нее перед носом в столовой, чтобы сорвать с Эльсы шарф, пришлось использовать более доступные аргументы: плеснуть ей в лицо стаканом молока и смыться.

По коридорам, на второй этаж, а оттуда на третий. Там, под лестницей, был закуток, где уборщицы хранили свой инвентарь. Эльса забралась туда и съежилась, обняв колени руками, изо всех сил стараясь сделаться невидимкой, а прямо над ней мчались по лестнице на четвертый этаж ее преследователи во главе с девчонкой. Остаток дня Эльса пряталась в классе.

Этого повода девчонке хватило. Эльса повелась на провокацию и напала первой, так что девчонка стала героем. Преследователи есть в каждой школе, и они всегда выбирают таких, как Эльса. Потому что их можно спровоцировать. Заставить плеснуть в тебя стаканом молока.

И тогда травля становится гораздо увлекательнее. Вот и весь повод, этого вполне достаточно.

Самый сложный отрезок пути – между классом и выходом из школы. Здесь невозможно стать невидимкой, даже если ты в этом деле виртуоз. Поэтому Эльса придумала свою стратегию.

Когда после звонка все вываливаются из класса, надо держаться поближе к учителю. Затем под шумок выскользнуть через дверь и бегом ко второй лестнице, которая не ведет к главному входу. Они, конечно же, знают ее маршрут, на той лестнице ее даже легче поймать. Но урок сегодня закончился немного раньше обычного, и Эльса прикинула, что этажом ниже уроки еще идут. Тогда у нее будет полминуты на то, чтобы спуститься по лестнице, перебежать по пустому коридору и получить таким образом небольшую фору, а ее преследователи тем временем будут остановлены толпами учеников, которые выбегут из классов чуть погодя.

И она оказалась права. Девчонка и остальные отставали метров на десять, но догнать ее не могли.

Бабушка рассказывала тысячи историй из Миамаса о войне и охоте, о том, как оторваться от погони, как обмануть теней и загнать их в ловушку, как отвлечь их внимание. Как и все преследователи, тени имеют одну слабость: они сосредотачивают все свое внимание на жертве и при этом совсем не замечают, что происходит кругом. А жертва, наоборот, усиленно смотрит по сторонам в поисках отходных путей. Решающим преимуществом это не назовешь, но все же. Эльса это знает, она умеет отвлечь внимание.

Она запустила руку в карман джинсов и достала пригоршню монеток. У нее всегда с собой есть мелочь, хочешь жить – умей вертеться. Когда толпа в коридоре поредела, Эльса приблизилась к лестнице, ведущей к выходу, бросила монеты на пол и побежала дальше.

Странные они все-таки, эти люди, Эльса давно поняла. Ну хоть бы кто-нибудь не среагировал на звон монет о каменный пол! Нет, все непременно останавливаются и смотрят вниз.

Руки шарили в поисках монет, преследователи оказались временно обезврежены, а у Эльсы появилось еще несколько секунд форы, и она побежала.

Эльса слышала, как они карабкаются по забору. Удобные практичные ботинки для динамичной жизни скрежетали о стальную сетку-рабицу. Еще мгновение – и ее схватят. Эльса бросила взгляд налево, в сторону парковки: «ауди» еще не приехала. Потом направо, в серый хаос улицы и черную тишину парка. Снова налево. Наверное, это лучший вариант – если папа, конечно, хоть раз в жизни приедет вовремя. И снова направо – страх раздирал дыру где-то в желудке от одного вида парка, мелькавшего за ревущими грузовиками.

Эльса вспомнила бабушкины истории из Миамаса, о том, как один принц на коне спасся от целого сонма теней, загнавших его в самый темный лес Просонья. Тени – это самая мерзопакостная мерзость, когда-либо рожденная фантазией человека, но даже тени способны испытывать ужас, говорила бабушка. Даже эти подонки чего-то боятся. Ведь и у них есть фантазия.

«Иногда самое опасное место может стать надежным прибежищем», – сказала бабушка и поведала Эльсе историю о том, как принц на коне поскакал в самую чащу темного леса, а тени, шипя, остановились у опушки. Даже они не знали, что скрывается за деревьями, а ничего страшнее неизвестности нет. На месте неизвестности воображение рисует свои картины. «Перед лицом страха у фантазии власти больше, чем у реальности», – говорила бабушка.

И Эльса побежала направо. В нос ударил запах паленой резины – это тормозили шины об лед. В «рено» этот запах стоял почти всегда. Под вой клаксонов она лавировала между грузовиками и слышала, как преследователи вопят за спиной. Едва ступив на тротуар, она почувствовала, как самый ловкий первым схватил ее за ранец. Парк уже совсем близко, осталось протянуть руку навстречу темноте. Но было поздно. Падая в снег, Эльса успела подумать о том, что пинки и удары посыплются быстрее, чем она закроет лицо руками. Она поджала колени к груди и, зажмурившись, спрятала лицо, чтобы не слишком расстроить маму.

Эльса ждала глухих ударов в затылок. На самом деле это не больно, по-настоящему начинает болеть только на следующий день. Боль в момент удара совсем другая.

Эльса ждала, но ничего не происходило.

Она ждала, затаив дыхание.

Тишина.

Эльса открыла глаза и услышала оглушительный грохот. Они орали. Убегали. И тут раздался голос Монстра. Будто рев доисторического зверя.

– НЕ СМЕТЬ. ЕЕ. ТРОГАТЬ. НИ-КО-ГДА!

Слова отдавались эхом.

Бились в барабанные перепонки. Монстр прорычал это на самом обычном языке, а не на тайном языке Эльсы и бабушки. Но слова все равно звучали странно. Как будто ударение падало и спотыкалось на каждом слоге. Как будто до этого он молчал целую вечность.

Эльса подняла глаза. Сердце колотилось как сумасшедшее, дух перехватило, а Монстр буравил ее взглядом из-под капюшона. Нижняя часть лица утонула в бороде, не имевшей конца и края. Грудь его ходила ходуном от бешеного дыхания. Эльса машинально присела, будто он вот-вот схватит ее своей огромной ручищей и бросит под колеса грузовика. Прихлопнет, как великан мышь. Но Монстр лишь стоял и, тяжело дыша, смотрел на нее с каким-то злобным отчаянием. Наконец он с трудом поднял тяжелую, как кувалда, руку и показал на школу.

Обернувшись, Эльса увидела, как девочка, не читавшая «Гарри Поттера», и ее товарищи разлетаются в разные стороны, будто клочки бумаги, брошенные с балкона. Они мчались так, словно за ними гонятся тени.

Где-то вдалеке на парковку въехала «ауди». Наконец Эльса вздохнула, и впервые за долгое время воздух ворвался в легкие.

А Монстр исчез.

9. Мыло

В настоящей жизни есть тысячи сказок, о происхождении которых не знает ни одна светлая голова. А все потому, что каждая вторая сказка попала к нам из Просонья. Только там никто этим не кичится и не ждет почестей, а честно продолжает делать свое дело. Самые интересные сказки Просонья родом из Миамаса.

Конечно, сказки время от времени производятся во всех шести королевствах, но ни одна из них не сравнится с теми, что сочиняют в Миамасе. Миамасские сказки – товар штучный, это вам не конвейер на фабрике, и хотя производство сказок в Миамасе работает в круглосуточном режиме, на экспорт идет только самый лучший товар. Большинство сказок, однажды прозвучав, падают штабелями на землю, и лишь самые восхитительные взлетают, едва сорвавшись с языка, и не спеша кружат над головами слушателей, словно светящиеся небесные фонарики, а когда приходит ночь, их забирают энфанты, крошечные существа в невероятно изящных шляпках. Энфанты прилетают верхом на облаках. А шляпки – если уж быть совсем точным – верхом на энфантах. Энфанты собирают сказки большими золотыми сачками, а потом облака поворачиваются и летят в небо так быстро, что ветер с трудом поспевает за ними. Если ветер летит недостаточно быстро, облака погоняют его: «А ну живее, жалкий ветришка!» И тогда у них вырастают руки, чтобы этими руками задать ветру хорошую трепку.

А где-то высоко, на вершине самой высокой горы Просонья, горы Сказочников, энфанты опрокидывают сачки и сказки разлетаются в разные стороны. Так попадают в реальный мир все сказки, о происхождении которых не догадывается ни одна светлая голова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.